

ПИНГВИНЫ
ЗОВУТ

ХЕЙЗЕЛ ПРАЙОР

Хейзел Прайор
Пингвины зовут
Серия «В ожидании чуда»
Серия «Вероника Маккриди», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69090355
Пингвины зовут: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-149132-1

Аннотация

Есть ли на свете пара друзей необычнее, чем Дейзи и Вероника? Дейзи уже целых девять лет, а Веронике всего-то скоро будет девяносто, обе они обожают пингвинов и жаждут приключений.

И если их зовут на другую сторону земли к пингвинам южного полушария, разве могут они отказаться?

Может быть Вероника Маккриди и думала, что уже стара для новых путешествий, но если у тебя отличная компания и пингвины зовут, то нельзя не послушаться.

Итак, вперед к пингвинам!

Содержание

1	5
2	15
3	25
4	35
5	40
6	46
7	58
8	62
9	70
10	76
11	82
12	88
13	95
14	100
15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Хейзел Прайор

Пингвины зовут

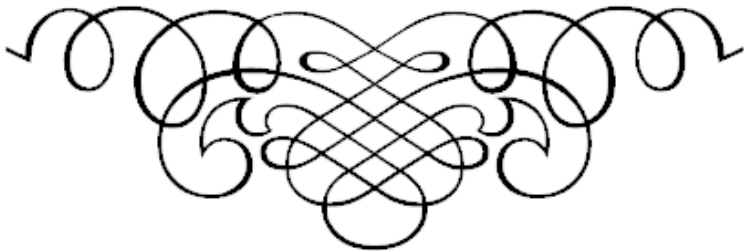
*Посвящается Урсуле, которая тоже услышала
зов пингвинов и последовала ему.*

HAZEL PRIOR
CALL OF THE PENGUINS

© Hazel Prior, 2021

© Шульга Е., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ВЕРОНИКА*Баллахеи, Эйршир, Шотландия*

– Я попросила Эйлин найти пингвинов здесь, в Шотландии.

Дейзи вскрикивает от восторга и спрыгивает с дивана. Я переживаю, что ее резкие движения повредят обивку, но всегда успокаиваю себя тем, что это хотя бы не дорожущее кресло времен Королевы Анны, в котором сижу я, когда мы проводим время в этой маленькой комнате – одной из двух гостиных в Балахеях.

Энергия Дейзи порой становится разрушительной.

– Тебе не нужно просить Эйлин, – дерзко заявляет она, но я решаю не обращать внимания на эту дерзость – все-таки она болеет. – Я могу найти пингвинов в Шотландии с помощью телефона.

Она роется в своей яркой разноцветной сумке, достает телефон и размахивает им в разные стороны. Телефон представляет собой небольшой плоский прямоугольник, но

я знаю, что девочка прекрасно умеет с ним управляться.

– Убери-ка эту штуковину, – говорю я. – Какая гадость – видеть, как девятилетняя девочка тратит свою жизнь на такую ерунду.

– Гадость? Смешное слово!

– Ничего смешного, поверь мне.

Дейзи убирает телефон обратно в сумку. Кажется, мы уже забыли, о чем шла речь, и это, на мой взгляд, не очень хорошо. И не потому, что я быстро все забываю (моя память, как и всегда, в прекрасном состоянии), но в разговорах с Дейзи легко потерять суть, потому что ее детский ум то и дело перескакивает с одного на другое. Я поспешно возвращаюсь к теме разговора, пока мы окончательно не забыли о ней.

– Пингвины, – напоминаю я, – Это не просто развлечение, мы все должны брать с них пример. Они стоят того, чтобы их искать.

– Я знаю, – отвечает Дейзи. – «Помни о пингвинах».

Эти слова я часто повторяла девочке как мантру, чтобы немного развеселить ее во время курса химиотерапии, который она проходила перед Рождеством. Пингвины, кроме того, что они просто очаровательны, стали для меня олицетворением храбрости, упорства и стойкости. Каждый день они преодолевают трудности – долгие переходы по заснеженным пустыням, плавание в ледяной воде и попытки не стать кормом для тюленей, и поэтому символизируют для меня умение сохранять бодрость духа перед лицом невзгод. Я рада,

что Дейзи как следует усвоила эту мысль.

Она забирается обратно на диван, встает на колени и, упираясь руками в подлокотник, выглядывает в окно, будто надеется увидеть одну из своих любимых птиц, ковыляющую по лужайке. Сад Баллахей может похвастаться несколькими прекрасными цветочными клумбами, фонтаном и выдающейся коллекцией кустов рододендрона, о которых заботится мистер Перкинс. Но, увы, никаких пингвинов там и в помине нет.

– Возможно, мне стоит заказать статую пингвина, – рассуждаю я. – Она прекрасно смотрелась бы среди кустов.

Дейзи приходит в восторг от одной мысли об этом. Ее огромные голубые глаза загораются энтузиазмом. Переносицу ее покрывает россыпь веснушек, а нос, хоть и растет не по дням, а по часам, все еще остается маленьким детским носиком-пуговкой. Ее губы, когда она не занята болтовней или едой, образуют форму бантика. Дейзи очень красивая девочка, даже не смотря на то, что потеряла все волосы. Правда оранжевый платок, повязанный вокруг ее головы, совершенно ей не к лицу. Я предлагала девочке купить парик, но она категорически отказывается. Все-таки очень она упрямая, эта Дейзи.

Я хочу с гордостью отметить, что как только девочка вышла из больницы и набралась сил, первым делом она захотела приехать ко мне в гости. Ее родители и брат побыли с ней в Балахеях первые дни, но затем им пришлось вернуться в

Болтон. И хотя Дейзи все еще необходимо много отдыхать и принимать всякие лекарства, она утверждает, что чувствует себя менее уставшей, когда находится здесь. Я же, напротив, сильнее устаю. Но это того стоит.

Радостно осознавать, что я не растратила свойственное мне очарование, но и якобинская элегантность обветшалых Балахей наверняка сыграла свою роль в стремлении Дейзи вернуться сюда. Помимо садов, раскинувшихся на трех акрах земли, здесь есть и другие вещи, которые будоражат ее живое воображение: дубовые панели на стенах, угловые камины, несколько лестниц, а также двенадцать спален, наполненных разнообразным антиквариатом и предметами искусства. Ей особенно приглянулась скамеечка для ног в форме осла, каретные часы, пианола и глобус на ножках. И это я еще не упомянула о фотографии, которая висит в холле.

– Я тоже однажды отправлюсь в Антарктиду, как ты, Вероника, – говорит Дейзи. – И там я увижу Пипа.

Она резко подбегает к фотографии. Мне бы очень хотелось, чтобы Дейзи так не делала, потому что фото находится в большой тяжелой раме, и я боюсь, как бы она ее не уронила. Это моя самая любимая вещь – подарок от телеведущего Роберта Сэддлбоу, чьи документальные фильмы о дикой природе вдохновили меня совершить это эпическое путешествие. Теперь мне следует обращаться к нему сэр Роберт, так как на прошлой неделе, когда 2013-й год незаметно сменился 2014-м, его включили в новогодний список награжденных

за особые заслуги перед Великобританией.

На фотографии Пип стоит на фоне снега. Когда я встретила его, это был серый пушистый шарик размером с чайную чашку. Теперь он совсем взрослый, с типичным для пингвинов Адели белым пузом и гладким черным оперением на спине, голове и лапах. Его явно запечатлели, пока он вразвалку куда-то направлялся, потому что одна нога занесена в воздух. Его ласты вытянуты, голова наклонена вперед, клюв открыт, а в глазах читается ум и пылливость.

– Он говорит: «Привет, Дейзи и Вероника», так ведь? – гадают Дейзи.

– Да, Дейзи, думаю, так оно и есть.

Иногда ложь намного проще и милосерднее правды.

Я гадаю, что же на самом деле происходит у Пипа в голове. На фоне можно увидеть размытые очертания других пингвинов, погруженных в свои ежедневные заботы. Этому снимку всегда удастся перенести меня в Антарктиду. Я бы все на свете отдала, чтобы снова увидеть сверкающие на солнце пейзажи и побродить среди этого огромного шумного скопления черно-белых птиц.

В сравнении с жизнью в Антарктиде повседневность здесь невероятно скучна: еда, сон, чтение, уборка мусора на побережье, решение, из какого сервиза пить чай – «Веджвуд», «Роял Краун Дерби» или «Коулпортский фарфор»; Эйлин, которая ходит туда-сюда с пылесосом или банкой полироли из пчелиного воска...

Я очень ценю возможность жить с удобством. Но я не могу избавиться от горечи на душе. Никогда уже мне не пережить подобное приключение. Путешествия на другой край света вредят экологии и, кроме того, мое восьмидесятисемилетнее тело вряд ли справится с еще раз с подобной нагрузкой. Но тоска по Антарктиде меня не покидает.

– В Шотландии нет пингвинов.

Ноа, брат Дейзи, несмотря на свой семилетний возраст, самый настоящий зануда.

– Пингвинов можно встретить только в южном полушарии, – утверждает он.

Мы общаемся с Ноа при помощи программы, которая называется «скайпа». «Скайп» (само название звучит ужасно) – одно из этих технологических новшеств, без которых молодому поколению никак не обойтись. Родители Дейзи установили его тут, в Баллахеях, чтобы ежедневно видеться с дочкой, пока она гостит у меня. Мы с Эйлин обе в ужасе от того, как этот «скайп» разрушил покой нашего дома, но пришлось смириться.

Сейчас Дейзи спорит с Ноа так громко, что мой слуховой аппарат начинает дрожать.

– В ШОТЛАНДИИ ЕСТЬ ПИНГВИНЫ! – визжит она. – И Я ТЕБЕ ЭТО ДОКАЖУ!

– КАК? – так же громко кричит Ноа в ответ. Я удивлена, что «скайп» еще не взорвался на тысячу кусочков.

– Прошу тебя, Дейзи. Подумай о люстре!

Девочка поднимает взгляд на люстру из уотерфордского хрусталя, которая висит прямо над ее головой и уже в самом деле слегка покачивается.

Она понижает голос и произносит следующую реплику настойчивым шепотом. Я слышу шепот, но совсем не разбираю слов.

Когда звонок закончен, она убегает в столовую, чтобы завалить Эйлин, которая смахивает пыль и напевает что-то себе под нос, вопросами. Эйлин уже научилась одновременно работать по дому и развлекать Дейзи, так что я оставляю их и поднимаюсь наверх, чтобы немного побыть в тишине.

Да, непросто жить с ребенком в доме, но никто не может сказать, что Веронике Маккриди не по силам такое испытание. Полагаю, что антарктические приключения говорят в мою пользу.

В спальне я листаю «Телеграф», в нем представлен обычный скучный перечень характерных для людей странных поступков и правонарушений. Я испытываю некоторое облегчение, когда дохожу до страницы с кроссвордом. Крайне важно тренировать серые клетки мозга, когда достигаешь определенного возраста, и я с удовольствием разгадываю загаданные в нем слова. К сожалению, мне никак не удастся отыскать ручку. Я знаю, что оставила ее где-то здесь, но чертово орудие для письма куда-то спряталось мне назло. Тщательно обыскав каждый уголок и щель в бюро, я наконец нахожу ее рядом со стопкой открыток.

Так, а зачем я ее искала? Видимо, чтобы написать письмо своему внуку, Патрику. Затем Эйлин перепечатает его на компьютере и отправит ему по электронной почте. Нужно рассказать ему все подробности пребывания Дейзи здесь. Я погружаюсь в кресло, чтобы подобрать слова, но мои веки становятся такими тяжелыми...

Когда я прихожу в себя, мой взгляд падает на часы, и я с тревогой отмечаю, что уже половина третьего. Я неуклюже поднимаюсь и спускаюсь вниз.

– Пойдем, Дейзи, дорогая. Пришло время отправиться на прогулку.

Я отвожу девочку на крыльцо, где она натягивает пуховую куртку, напоминающую спальный мешок, и шерстяную шапку с помпоном. Я же надеваю свое алое пальто и прочные прогулочные ботинки. Как всегда, я беру с собой трость, чтобы не упасть, и сумочку. Никогда не знаешь, в какой момент тебе могут пригодиться носовой платок или обезболивающее. Очень кстати, что Дейзи сопровождает меня, потому что ей очень хочется нести мешок для мусора и щипцы, чтобы его поднимать.

Родители девочки очень просили, чтобы она обязательно гуляла каждый день. В этом вопросе я совершенно с ними согласна. Своей выносливостью я обязана давней привычке ежедневно гулять по побережью Эйршира. Я не пропускаю прогулку даже в дни со снегом, градом или моросью, столь характерных для шотландского климата. Часто Эйлин умо-

ляет меня остаться дома («О, миссис Маккриди, там слишком холодно сегодня»), что только утверждает меня в намерении отправиться на прогулку. Однако, когда сегодня мы с Дейзи выходим на улицу, никаких осадков нет, только сырость, мрак и несколько кучек снега на земле. Мы выходим из парадных ворот Балахей и отправляемся к побережью по короткой тропинке. Живая изгородь по обе стороны сменяется кустами утесника, гладкими скалами и открытой местностью, которая дает ощущение свободы.

Дейзи тут же высматривает своим внимательным взглядом первый предмет мусора – пакетик от чипсов, застрявший в кусте папоротника. Она наклоняется к нему, захватывает щипцами и помещает в пакет с радостным возгласом.

Море и небо сегодня одинакового серебристого цвета, они сливаются на горизонте. Крики чаек кажутся приглушенными, и природа наполнена январским предвкушением – будто ждет, когда все снова вернется к жизни. Я держу ровный темп, пока Дейзи бежит вокруг и собирает новые трофеи: разорванный старый ботинок «Веллингтон», разбитую стеклянную бутылку, изогнутый кусок пластика, который, судя по всему, представляет собой часть миски для корма животных, банку из-под кока-колы и кусок толстой оранжевой бечевки.

Дейзи нравится управляться со щипцами, и я подумываю купить ей еще одну пару, которую она сможет забрать с собой домой. Это было бы хорошо и для нее и для при-

роды Болтона, которой, я уверена, намного больше требуется уборка, чем Эйрширскому побережью. Приятно наблюдать, как она наслаждается жизнью. Когда мы возвращаемся в Баллахеи, ее глаза блестят, а щеки наливаются цветом.

Эйлин встречает нас в дверях. Ее тугие кудри торчат во все стороны, подбородок трясется, а сама она горит от нетерпения, пока помогает нам снять верхнюю одежду. Позже она займется своими бархатцами в саду и будет сортировать мусор – что отправить на переработку, а что просто выбросить. Я повысила ей зарплату, чтобы покрыть неудобство от этой грязной работы и отплатить за все остальные поручения, которые она выполняет для меня.

К счастью, на кухонном столе нас ожидают чашечка свежесваренного Дарджилинга и кружка горячего шоколада. Я делаю глоток чая, а Дейзи – горячего шоколада, Эйлин довольно смотрит на нас, скрестив руки на груди.

Я бросаю на нее вопросительный взгляд.

– Полагаю, тебе есть, что сообщить нам, Эйлин. Прошу тебя, не надо драматических пауз. Поделись с нами.

Эйлин расплывается в широкой улыбке.

– Я нашла пингвинов, – заявляет она.

ВЕРОНИКА

Нас везет Эйлин. Я и сама умею водить машину, но бросила это дело три года назад. Доктор недвусмысленно намекнул мне, что мои реакции в полном порядке, и я прекрасно вижу вдаль. Но после того небольшого столкновения моего «Ягуара» с неприятным молодым человеком на «Воксхолле» я решила, что вполне себе проживу без такого рода стрессов.

Снег, который выпал на прошлой неделе, уже растаял, и стоит прекрасная солнечная погода. За окном проносятся зеленые холмы Шотландии на фоне покрытого кучевыми облаками неба. Дейзи притихла на заднем сидении машины (я подозреваю, что она украдкой листает «социальные сети» в своем телефоне), а Эйлин напевает себе под нос, пока ведет машину, время от времени комментируя: «Прекрасный день для такого дела» и «Красивые облака, не правда ли?».

Наконец мы пересекаем перекресток и сворачиваем налево под низко висящую вывеску с надписью «Океанариум Лохнаморги».

– Вероника, мы должны сделать селфи с пингвинами! – скандирует Дейзи позади меня, когда мы заезжаем на сво-

бодное место в дальнем конце парковки. – Ты ведь согласишься сделать селфи с нами?

– Вполне возможно, – уверяю я ее, не желая показывать, что не очень понимаю значение слова «селфи». Если это что-то вроде стойки на руках или шпагата, то я не собираюсь в этом участвовать – мои конечности на такое уже не способны.

Мы с Эйлин и Дейзи заходим внутрь через большую вращающуюся стеклянную дверь.

Бойкая женщина на стойке регистрации сразу же переходит к делу:

– Аквариум дальше. Пройдите до конца по коридору и следуйте указателям, чтобы найти тюленей, выдр, морских птиц и пингвинов.

Мы идем по указателям через лабиринт проходов, увешанных разными плакатами с информацией о морской жизни, которые нас совершенно не интересуют. Мы также не обращаем внимания на зловещего вида кальмаров, осьминогов, медуз и других существ с щупальцами или чешуей, которые плавают в серых водах аквариумов, расположенных вдоль стен. Мы трое прекрасно понимаем, куда и зачем мы идем. Дейзи убегает вперед и возвращается к нам, полная щенячьего восторга.

Здесь не будет пингвинов Адели. Учítывая, что они родом из Антарктиды, было бы неправильным держать их здесь, в теплых краях. Но будут другие виды, те, которые

привыкли жить в более мягком климате.

Когда мы подходим к вольеру, поначалу я не вижу ничего, кроме парочек и семей с детьми, которые носятся вокруг. Мы проходим вперед. Это просторное помещение с натянутой на потолок сеткой и изогнутым бассейном с водой неестественного синего цвета. Некоторые участки огорожены красной лентой, и за ней я вижу стайку птиц, стоящих среди камней, песка и нескольких низких кирпичных пещер.

Эйлин пробирается вперед, расталкивая людей и выкрикивая: «Простите, прошу прощения!», чтобы мы могли удобно встать и рассмотреть пингвинов. Дейзи дрожит от нетерпения. Я тоже стараюсь изо всех сил высмотреть пингвинов. Наконец я их вижу. У африканских пингвинов (также известных как очковые, или ослиные пингины) белый ободок вокруг головы, черная полоса на груди и розовые пятна около глаз. Большинство из них прячутся, но некоторые соскальзывают в бассейн, чтобы охладиться, когда мы приближаемся. Они чрезвычайно привлекательны. Но златовласые пингины очаровывают нас еще больше своими внушительными головными уборам из длинных желтых перьев, которые торчат там, где должны быть уши. Выглядят они причудливо и диковато. В общем, просто великолепно.

– Их так называли потому, что у них золотые перышки вокруг глаз? – спрашивает Дейзи.

– Честно говоря, не задумывалась, – признается Эйлин.

– Или в честь сказки про Златовласку? – гадает Дейзи.

Это объяснение кажется мне маловероятным, но никто из нас не знает наверняка. Мы наблюдаем, как два пингвина стоят на камне и прихорашиваются друг перед другом, вычищая блестящие перышки длинными клювами. Когда дело сделано, один из них спрыгивает с камня. Заметив зрителей, он ковыляет к нам и рассматривает нас сначала одним глазом, потом другим, его хохолок слегка развевается на ветру. Затем он указывает клювом в потолок и раскачивает головой из стороны в сторону, его движения напоминают танец.

– О, вы только посмотрите на него! – восклицает Дейзи. Мне редко доводилось видеть ребенка таким зачарованным.

Пингвин взъерошивает свои перья, открывает клюв и издает громкий, мелодичный звук. У меня начинает щипать в глазах. На протяжении семидесяти с лишним лет я вообще не позволяла себе плакать, потому что кто-то однажды сказал, что слезы – признак слабости. Теперь я так не думаю, но мне все еще некомфортно проявлять любые эмоции на публике. Тем не менее, последнее время плачу я с досадной частотой и ничего не могу с этим поделать.

– Вот, миссис Маккриди. Возьмите.

Эйлин протягивает мне салфетку. В сумочке у меня лежит выстиранный и отглаженный носовой платок, но я с благодарностью беру ее салфетку.

– Ты в порядке, Вероника? – спрашивает Дейзи, запрокинув голову, чтобы хорошенько рассмотреть мое лицо.

– Это все проклятый синусит. Беспокоит меня время от

времени, – резко отвечаю я.

Эти пингвины не совсем такие, как дорогие моему сердцу Адели, но они походят на них своей напористостью и энтузиазмом. Наш знакомый златовласый пингвин снова издает зычный звук.

– Его зовут Мак, – говорит нам смотрительница пингвинов, подходя ближе. Это молодая женщина с уверенным видом и развивающимся высоким хвостом. – Мы сами вырастили его. Он был совсем еще птенчиком, – добавляет она.

Я перевожу взгляд с нее на пингвина и обратно.

– И вам пришлось использовать шприц, чтобы кормить его тщательно сбалансированной смесью из криля и тунца, разведенных с водой?

Ее глаза слегка расширяются от изумления. Она выглядит так, будто пытается подобрать слова.

– Эм... Ну, это не я его...

– Это Вероника Маккриди, – перебивает ее Дейзи. – Она была в Антарктиде и спасла маленького пингвина по кличке Пип, а потом она заболела, и Пип спас ее! И, – Дейзи переводит дыхание, – она дружит с Робертом Сэддлбоу!

– Тем самым Робертом Сэддлбоу, – добавляет Эйлин.

– Сэром Робертом Сэддлбоу, – подчеркиваю я.

Должна признать, мне льстит восхищение моей протеже.

– Что же, твоя бабушка – невероятная женщина, – говорит смотрительница, очевидно не воспринимая слова Дейзи всерьез. Я подумываю, стоит ли говорить, что никакая я ей

не бабушка, но наплевать. В любом случае, все мое внимание занимает пингвин, он просто прекрасен.

– Можно мне покормить его? – нетерпеливо спрашивает Дейзи.

– Не сейчас. Время кормления наступит через двадцать минут.

Видно, что смотрительнице приятно вернуться к теме, в которой она хорошо разбирается. Она наклоняется к Дейзи и говорит с ней как старшая сестра:

– Тогда ты сможешь посмотреть, как они наслаждаются своим обедом. Может быть даже я дам тебе пару рыбешек, чтобы ты могла им помочь.

У меня уже устали ноги. Дейзи и Эйлин бегут искать вольтеры с тюленями и выдрами, а я направляюсь в чайную. Там я покупаю кусочек вишневого пирога «Бейквелл» и чашку дарджилинга. По крайней мере, так они его именуют (скорее всего, чтобы оправдать дополнительный фунт в его стоимости), но вкус оставляет желать лучшего. Однако я не из тех, кто привык жаловаться.

Я сажусь за маленький столик у окна и смотрю на полоску моря, виднеющуюся за краем здания. После встречи со златовласыми и африканскими пингвинами мои мысли неизбежно стремятся обратно в Антарктиду, в колонию пингвинов Адели, к моей подруге Терри и моему внуку Патрику. Я вкладываюсь в исследовательский проект острова Медальон как метафорически, то есть душой, так и буквально,

поскольку что я ежемесячно отправляю на него определенную сумму денег, главным образом потому, что теперь Патрик часть их команды.

Они с Терри вместе уже год. Терри на самом деле зовут Тереза, как вы поняли, и она на сто процентов женщина, хотя из-за отсутствия макияжа и приличной прически она никак это особо не подчеркивает. В отличие от сэра Роберта, она, скорее всего, никогда не станет телевизионной звездой, но, как и он, она одна из немногих людей на этой планете, кто сумел завоевать мое уважение.

Кто-то скажет, что Патрик не заслуживает такую девушку, как Терри, и когда-то я могла бы согласиться с этим. Патрик как икра. И не потому что это первоклассный деликатес (даже напротив!), но потому что он не всем придется по вкусу. Когда мы впервые встретились, а произошло это всего восемнадцать месяцев назад, я сразу же его невзлюбила. Его неряшливый внешний вид, отсутствие манер и незрелость, нехарактерная для его двадцати восьми лет, делает Патрика совсем не тем человеком, который мог бы мне понравиться. Мне непросто полюбить кого-то, и одного кровного родства здесь бы не хватило. Но мне удалось увидеть прекрасную сторону Патрика. Я видела, как он заботится о других. Как он обожает Терри. Как он любит пингвинов.

Моя рука машинально тянется к шее, и я провожу пальцами по тонкой цепочке, на которой висит медальон. Я все еще ношу его каждый день под одеждой. Дейзи на днях заметила

эту цепочку, и спросила меня, что это такое. Мне пришлось вытащить медальон и показать ей. Теперь девочке очень хочется иметь украшение, в котором можно спрятать важные для нее вещицы. Но я не стала показывать Дейзи, что внутри. В отличие от Терри, я не самый эмпатичный человек, но я умею распознавать некоторые свойства человеческой природы.

Я решила, что стоит приберечь некоторые секреты, чтобы потом подкупать Дейзи, когда она становится неуправляемой. Например, теперь можно говорить: «Если ты прямо сейчас не подойдешь и не сядешь за стол, Дейзи, я никогда не покажу тебе, что внутри медальона» или «Если ты не отдашь мне обратно помаду, Дейзи, загадка медальона навсегда останется для тебя неразгаданной». Моя маленькая уловка отлично работает, потому что Дейзи сгорает от любопытства.

Я допиваю чай и смахиваю салфеткой крошки «Бейквелла» с коленей. Затем бросаю взгляд на дверь кафе и вижу, что Эйлин уже здесь, чтобы забрать меня. Дейзи тянет ее за руку. Мы вместе возвращаемся к вольеру. Смотрительница пингвинов с высоким хвостом держит в руках синее пластиковое ведро, из которого она бросает мертвую рыбу в толпу пингвинов. У рыб выпученные глаза и потерянный вид, но энтузиазм пингвинов завораживает. Они подпрыгивают, хватают рыбу, жадно заглатывают их клювами и требуют добавки.

Дейзи дали ведро. Она достает рыбу со смесью отвращения и восторга, мгновение разглядывает ее, а затем швыряет ее в пингвина с такой силой, что я боюсь, эта рыба собьет его как кеглю. Когда кормление закончено, она облегченно вытирает пальцы салфеткой, которую ей протягивает Эйлин.

Большинство наблюдающих за этим действием людей делает фотографии.

– Пришло время для селфи, Вероника. Нашего селфи с пингвинами! – восклицает Дейзи. – Чтобы я могла доказать Ноа, что в Шотландии есть пингвины.

Она вытягивает руку с телефоном, чтобы сфотографировать нас, но (поскольку ее рука не слишком длинная) у нее не выходит сделать такой снимок, который она себе представляет. Тут появляется Эйлин со своим телефоном и делает сотню фотографий со мной, Дейзи и нашим другом-пингвином по кличке Мак. Я рада, что освежила помаду по пути из чайной, и довольна тем, что захватила красную клетчатую сумку. Я стараюсь держать ее подальше от клюва Мака. В свое время я уже потеряла сумочку из-за излишнего любопытства одного пингвина.

На обратном пути Дейзи «гуглит» информацию о золотых пингвинах. К моему удивлению, вопреки всем ожиданиям, ей удается отыскать весьма интересные факты. Оказывается, этих птиц знают также под названием «макарони», которым они обязаны английским франтам 18 века, полу-

чившим такое прозвище из-за модных в то время головных уборов с яркими кисточками.

– Это как в песне «Янки Дудль»! – удивленно и радостно восклицает Эйлин. – Ты знаешь эту песню, Дейзи?

Дейзи не знает, и тогда Эйлин настаивает, что нужно ее разучить.

Янки Дудль приехал в город
Сюртука пригладил ворот
И украсил шляпу бантом —
Так он стал английским франтом!

Мои уши сворачиваются в трубочку, пока я слушаю, как они на два голоса – один тоненький, а другой более низкий и не попадающий в ноты – распевают этот куплет всю дорогу домой. Обычно я бы сочла это невыносимым, но сегодня, по причинам, которые я не до конца понимаю, их пение меня совершенно не беспокоит.

ПАТРИК*Остров Медальон, Южные Шетландские острова, Антарктический полуостров*

Солнечные лучи отражаются от влажных скал, в расщелинах лежит пушистый снег, и я смотрю на бесконечную колонию пингвинов. Я чувствую запах рыбы и гуано. Я слышу щебет, визг и болтовню пингвинов. Меня окружают очаровательные коренастые птицы – они вперевалку бродят вокруг по гальке и льду. Надо мной проплывают стаи облаков. Вдалеке виднеются голубые вершины и ледники. В такие моменты мне удастся прочувствовать, как прекрасна жизнь.

Я живу здесь, черт возьми, живу здесь, на этом крошечном островке к северу от Антарктиды, где обитают тюлени, альбатросы, поморники и чайки... и три человека. И еще пять тысяч пингвинов Адели. Никогда не думал, что в конце концов подсчет пингвинов станет моей работой. Но я так же никогда не думал, что найду богатую и эксцентричную бабулю, которая будет одержима этими пингвинами.

За последний год я окончательно привык к жизни на острове Медальон. Я ни капельки не скучаю по Болтону. Ладно, возможно я скучаю по Гэву и магазину велосипедов и телевизору и свежим овощам, но на этом все. Удивительно, как быстро местная дикая природа стала для меня домом. В этот момент мне не хватает только одного – чтобы Терри была рядом. Какая несправедливость, что нам приходится работать в разных частях колонии. Было бы намного лучше, если бы мы работали вместе, даже если бы из-за этого мы периодически отвлекались от дел...

Терри всегда говорит, что мне стоит расслабиться.

– Мы ведь не должны постоянно быть рядом, чтобы доказать свою любовь друг к другу? – недавно сказала она, когда я снова приревновал ее к чему-то. Но мне ведь можно позволить себе быть страстным, так ведь? Я бы проводил с Терри каждую секундочку, если бы мог. Нет, конечно, жаловаться мне не на что. Это большое чудо, что она вообще хочет проводить время с таким неудачником, как я.

Я бросаю взгляд на часы. Уже три часа кряду я взвешиваю и подсчитываю пингвинов.

– Думаю, что заслужил хотя бы один поцелуй, – бормочу я.

Нахальный маленький пингвин смотрит на меня снизу-вверх своими глазами-бусинками, его пузо раздувается от чувства собственной важности.

– Нет, приятель, я не тебя имею в виду, – говорю я ему.

Мы вернемся на базу только через час. Думаю, мне стоит найти Терри и сопроводить ее на обед. Я достаю рацию, но затем, передумав, убираю ее обратно в карман. Я знаю, где она сейчас работает, а поэтому решаю, что будет здорово устроить ей сюрприз.

Я пробираюсь по скалам и камням так быстро, как только могу, поднимаюсь по склону. Температура воздуха сегодня всего 3,5 градуса по Цельсию, но на мне много слоев одежды, и от подъема мне становится жарко. Я снимаю парку и засовываю ее под мышку. Достигнув вершины, я останавливаюсь на мгновение, чтобы перевести дух. Отсюда открывается отличный вид на горы и далекое озеро, в котором отражается небесная голубизна. Этот остров называется так, потому что имеет овальную форму и на карте выглядит как медальон, а небольшое полукруглое озеро на севере острова образует отверстие, через которое можно было бы продеть цепочку. За ним я вижу океан, он ярко сверкает на солнце и усеян белыми вершинами айсбергов.

Часть колонии пингвинов, закрепленная за Терри, находится на другой стороне острова. Мне удастся разглядеть ее оранжевую куртку – яркое пятно среди множества черно-белых фигур. Я направляюсь к ней, лавируя между пингвинами гнездами. В них сотни маленьких цыплят. Они уже достаточно выросли и начали повсюду бродить, поэтому мне приходится идти осторожно, чтобы не наступить на них. У взрослых пингвинов просто шикарное оперение, напоминающее

блестящие смокинги с белыми накрахмаленными рубашками, но детеныши пока еще покрыты растрепанными серыми перышками. Они легко уместились бы на ладони, эти мягкие комочки. Но я не беру их в руки. Правила есть правила. Мы взвесим этих птенцов уже перед тем, как они поменяют оперение, но до этого трогать их нельзя. Даже со взрослыми особями мы контактируем только тогда, когда вешаем на них браслеты или замеряем их вес, и для этого есть специальная техника. Я с гордостью могу заявить, что теперь я считаюсь квалифицированным укротителем пингвинов.

Мамы и папы делают все, чтобы прокормить своих птенцов, по очереди следят за ними и ходят на океан, чтобы добыть пищу. Когда они возвращаются, их клювы до отказа набиты крилем, который они закладывают прямо в клювики птенцов. Язык пингвинов для меня – величайшая загадка, но взрослые особи и их цыплята узнают друг друга по голосу. Просто невероятно, что они могут слышать друг друга в такой какофонии звуков.

У меня щемит сердце, когда я вижу такую беззаветную родительскую любовь... Такую самоотверженность и верность. Было бы здорово расти в такой любви. Эти птенцы даже не подозревают, насколько им повезло.

Но хватит жалеть себя.

Вот прямо передо мной стоит Терри. Классическая Терри: на сто процентов сосредоточенна на пингвинах. Мое сердце начинает биться чаще, когда она оборачивается и машет мне.

Лучи солнца играют в ее светлых волосах, и она направляется в мою сторону, аккуратно огибая гнезда с птенцами.

– Патрик! – она пытается перекричать писк пингвинов. – Что-то случилось?

Я отрицательно качаю головой.

– Нет, все в порядке. Что, мне уже нельзя прийти повидать свою девушку?

Я заключаю ее в объятия и крепко сжимаю. Мы долго и страстно целуемся, так что у нее практически спадают очки.

– Почему ты не связался со мной по рации? – спрашивает она, отстраняясь, чтобы перевести дух. Мы должны сообщать друг другу о своих передвижениях по острову – на всякий случай.

– То есть мне и правда нужно сообщать всем, что у меня приступ нежности?

– Не всем, – подчеркивает она. – Только мне, Дитриху и Майку.

– Дитриху и Майку этого не понять.

Терри слегка хмурит брови. Я провожу пальцем по ее лбу, чтобы она перестала хмуриться.

– Не волнуйся. Я ведь не поскользнулся и не сломал спину, так?

– Да, но...

– Я преодолел все опасности, только чтобы прийти и увидеть тебя, – на пути меня ждали скалы, лед, тюлени, даже пингины... Подумал, что после такого ты согласишься пой-

ти со мной на свидание?

Терри не удается сдержать улыбку. Она невероятно улыбается.

– Что ты задумал?

– Ну, я тут узнал, что неподалеку отсюда есть очень удобная, хоть и немного обветшалая исследовательская база, где можно найти сосиски в тесте, которые просто нужно разогреть в духовке.

– Я тебе устрою сосиску в тесте, – насмешливо отвечает Терри и пихает меня в бок.

– Очень надеюсь на это.

Терри настаивает на том, что ей нужно еще пятнадцать минут, чтобы закончить работу, так что я вызываюсь ей помочь.

Наш проект не такой большой, как некоторые другие научно-исследовательские операции на крупных антарктических станциях, которые занимаются морской биологией, океанографией и метеорологией. Мы исследуем пингвинов (пять тысяч особей – не так уж много для колонии пингвинов, представляете? Некоторые колонии насчитывают более тридцати тысяч особей). Тем не менее, нас четверых на все не хватает, именно поэтому Терри всегда старается сделать чуть больше. Она руководит проектом, но еще старается привлечь к нему внимание общественности по всему миру через свой блог. В прошлом году она много писала о бабле Ви в своих публикациях, и это очень понравилось ее

читателям. Дитрих – самый старший и квалифицированный среди нас четверых. Он изучал пингвинов всю свою жизнь и называет себя «пингвиноведом». Майк специализируется на биохимии, он анализирует состав крови, костей и фекалий пингвинов, чтобы подробно описать их питание и состояние здоровья. Мы все падем как лошади – бесконечно наблюдаем за пингвинами,

считаем их, взвешиваем и помечаем. Собранные таким образом данные – самое главное в нашей работе. Эта информация многое говорит о состоянии всей нашей экосистемы, а численность пингвинов сейчас постоянно меняется с огромной скоростью.

– Тебя не беспокоит, что твоя девушка одновременно твоя начальница? – спрашивает Терри, когда мы поднимаемся по склону по пути на базу.

– Если тебя это не беспокоит, то и меня тоже, – отвечаю я.

Терри никогда не пользуется своим положением и не зарывается. Честно признаться, она самый мягкий руководитель в моей жизни.

– Но все-таки было бы неплохо почаще тебя видеть.

Надеюсь, что мои слова не прозвучали слишком слащаво.

– Дай подумать. Мне кажется, ты уже и так видел все и даже больше.

Мы хихикаем.

Но когда мы достигаем вершины, Терри возвращается к теме, которая явно не дает ей покоя.

– Ну же, признавайся. Тебе бы больше понравилось, если бы я руководила тобой в накрахмаленном костюме или дерзкой соблазнительной полицейской форме.

– Не-а. Что может быть соблазнительнее куртки-парки, шерстяных свитеров и пуховых жилетов?

Когда мы возвращаемся в центр, Дитрих и Майк уже там. Они многозначительно смотрят на нас, когда мы заходим внутрь – Дитрих с добродушной улыбкой, Майк без восторга. Майк вообще редко бывает приветливым. Они оба уверены, что мы постоянно обжимаемся, вместо того, чтобы считать пингвинов. Они уже успели разогреть сосиски в тесте и едят их с горохом и жареной картошкой.

– Присоединяйтесь, – приглашает Дитрих, его английский безупречен.

Так мы и делаем.

– С водой что-то не то, – произносит Майк обвинительным тоном и смотрит на меня, как он делает всегда, если что-то выходит из строя.

– Понял, дружище. Видимо, с фильтром обратного осмоса снова что-то случилось. Позже проверю.

Фильтр обратного осмоса используется для очистки морской воды, дистилляции и удаления любых химических или биологических загрязнений, чтобы она стала пригодной для питья. Это отличная замена бутилированной воде... когда все работает как следует. Полевой центр заметно обветшал, и все постоянно выходит из строя. Его построили для пя-

ти ученых много лет назад, но все пришло в упадок из-за нехватки финансирования, и если бы не бабуля, проект бы вообще закрылся. Терри, Дитрих и Майк – квалифицированные ученые-экологи, а я лишь скромный гик-технар, так что все связанное с ремонтом – моя задача.

– Ты видела Пипа сегодня? – спрашивает Дитрих, откусывая кусок картошки.

Терри грустно качает головой.

– Нет, сегодня нет.

Пип – наш любимый пингвин-найденыш. Мы стараемся быть беспристрастными, но когда тебе довелось пожить с настоящим маленьким пингвиненком, сложно остаться равнодушным.

После обеда я замечаю, что Дитрих обеспокоено потирает бороду – он всегда так делает, когда его что-то тревожит.

– Терри, можно тебя на пару слов? – тихо спрашивает он.

– Конечно.

Они уходят в лабораторию. Мы с Майком тщательно скрываем друг от друга любопытство и идем на кухню сварить кофе.

– Сделай его покрепче, – говорит Майк и добавляет еще одну ложку. – Мне нужно взбодриться.

Майк страдает от бессонницы и ночами напролет слоняется по полювому центру, видимо, поэтому он всегда такой раздражительный.

– Как думаешь, что стряслось у Дитриха? – спрашиваю я.

Майк пожимает плечами и нетерпеливо барабанит пальцами по кофейнику.

– Надеюсь, он не дергает Терри по пустякам. Ей и без этого непросто.

Когда Терри и Дитрих возвращаются, ученый явно выглядит повеселевшим, Терри же хмурится и кусает нижнюю губу.

– Ладно, я пошла! – объявляет Терри, уже натягивая ботинки, чтобы снова отправиться в колонию.

Я машу ей кружкой.

– А как же кофе?

– Нет времени, у меня много дел, – отвечает она и выбегает на улицу так быстро, что мне с трудом удастся расслышать конец фразы.

Я поворачиваюсь к Дитриху и Майку.

– Она что, бросила меня?

– Конечно, нет, – выпаливает Майк в ответ. – У тебя богатая бабушка, которая финансирует наш проект.

– Я... ну да, наверное.

Я быстро выпиваю кофе, гадая, смогу ли догнать Терри. Слова Майка засели у меня в голове, и я прокручиваю их снова и снова. Неужели Терри терпит меня только ради бабулиных денег? Да, Майк любит отпустить колкий комментарий, но я не могу отделаться от мысли, что в его словах есть доля правды.

ТЕРРИ*Остров Медальон*

Надеюсь, я не была слишком резкой с Патриком. Мне нужно немного побыть наедине со своими мыслями. Я выбегаю из полевого центра и устремляюсь к подъему, размахивая руками, жадно вдыхаю свежий воздух и пытаюсь успокоиться. Меня очень взволновал разговор с Дитрихом. Я не смогла отказать ему, но не представляю, как мы справимся со всем. Придется перекроить все расписание. Бедный Дитрих. Я знаю, что он никогда бы не попросил меня о таком, если бы не случилось что-то серьезное. Когда мы оказались в лаборатории, подальше от посторонних ушей, я заметила тревогу в его взгляде. Он тяжело опустился в кресло за микроскопом и серьезно произнес:

– Терри. Кое-что произошло.

Дитрих нервно дергал себя за усы. По его выражению лица я сразу поняла, что новости будут невеселые.

– Выкладывай, Дит.

– В следующем месяце моей жене предстоит операция. Ничего серьезного, но ей придется провести в больнице несколько дней, и какое-то время уйдет на восстановление. Как думаешь, могу я вернуться в Австрию, чтобы позаботиться о ней и детях? Тогда мне придется уехать через две недели.

У нас уже слишком много работы даже для нас четверых.

– Конечно, можешь, – уверяю я Дитриха. – Семья – это самое важное.

– Я бы вернулся, как только все устаканится, но я знаю, что тебе и так непросто. Уверена, что справишься?

Я начинаю утвердительно качать головой и ободряюще улыбаюсь.

– Конечно, справлюсь.

– Спасибо. Она будет так благодарна. Как и я.

Вообще здорово, что он спросил меня, а не просто поставил перед фактом. Ведь до прошлого года Дитрих был главным в нашем полевом центре, а потом передал полномочия мне, и сделал это как раз потому, что хотел больше времени проводить с семьей. Просто сейчас совсем не подходящий момент. Сейчас у пингинов пик брачного сезона, и мы и так еле-еле справляемся с работой.

– Хорошо, что теперь у нас есть Патрик, – сказал Дитрих, приближаясь к тубусу микроскопа, чтобы рассмотреть серую массу (порция наполовину переваренного криля из желудка пингвина). Затем он отодвинулся от микроскопа и добавил:

– Он быстро всему научился, не так ли?

Мне пришлось согласиться.

Дитрих ухмыльнулся.

– Но не стоит забывать, что у него был отличный учитель.

Я смущенно откашлялась.

– Думаешь, он счастлив тут? – спросила я.

– Как он может не быть счастлив в окружении гор, айсбергов, невероятной дикой природы и прекрасной девушки?

Было приятно услышать от Дитриха такие слова, но иногда я действительно переживаю за Патрика. Ему пришлось приспособиться к жизни здесь в такие короткие сроки, и эта жизнь кардинально отличается от всего, к чему он привык в Болтоне.

Мне стыдно, что я так быстро убежала и оставила его в растерянности. Но если мне удастся собрать сейчас больше информации о пингвинах, чем я планировала, когда уедет Дитрих, будет не так сложно. Дитриху придется самому рассказать остальным о своих планах. Уверена, Майк и Патрик сразу поймут, что нам всем придется работать вдвое больше после его отъезда.

Я так погрузилась в свои размышления, что совершенно не обращала внимание на происходящее вокруг меня. Оказывается, я уже добралась до вершины холма. Я рассматриваю испещренные снегом горные хребты вдалеке. Если прикрыть глаза, можно увидеть в снежных узорах черты лица, жутковатое зрелище, созданное естественным природ-

ным рельефом. Прямо надо мной высоко в небе кружат три чайки, темные фигуры на фоне белоснежных облаков. Что-то в моей голове не дает мне покоя, но я не до конца понимаю, что именно. Пытаюсь сосредоточиться на этом. Дело в Патрике. Он постоянно шутит и пытается казаться веселым, но иногда, когда ему кажется, что я не вижу, в его глазах можно уловить потерянность. Я чувствую, что внутри ему очень грустно. У Патрика есть нерешенные вопросы с семьей. Помню, как буквально на днях мы разговаривали, и я жаловалась ему на своих родителей.

– Им кажется, что я совсем спятила, раз живу здесь, – проворчала я. – Они бы предпочли, чтобы я обосновалась в Хартфордшире и нашла достойную работу, взяла ипотеку и завела накопительный счет в банке. Но мне всего двадцать шесть, и мне еще рано «оседать». Они совершенно меня не понимают.

– У тебя хотя бы есть родители, – мрачно ответил он.

Я поняла, какой бестактной я была, и попыталась подбодрить его и найти какие-то плюсы.

– Зато у тебя потрясающая бабушка, – сказала я. – Такую еще поискать.

Затем, по глупости, я решила показать ему, что моя жизнь ничем не лучше, чем его, и добавила:

– Моя бабушка состарилась в пятьдесят пять лет, совсем перестала выходить из дома к шестидесяти и умерла два года спустя.

– Да, бабуля Ви и правда крутая, – признал он. – Но родители – это очень важно.

Мы сменили тему, но меня не покидало ощущение, что он что-то скрывает, некую темную силу, которая кипит внутри него и отчаянно пытается вырваться наружу.

ВЕРОНИКА*Баллахеи*

Когда мы возвращаемся в Баллахеи после утреннего сбора мусора, я намереваюсь принять горизонтальное положение и отдохнуть. Поэтому я решаю ненадолго оставить Дейзи с Эйлин. Однако не успеваю я дойти до прихожей, как внезапно из кухни выбегает Эйлин. Она закрывает за собой дверь.

– Миссис Маккриди, мы можем поговорить с вами наедине? – жужжит она мне на ухо.

– А как же Дейзи?

– Она увлечена просмотром «Покемонов», это отвлечет ее ненадолго.

– Очень хорошо. Но тогда мне потребуется чашка чая.

– Конечно. Кто бы сомневался, – бормочет Эйлин себе под нос.

Она снова исчезает за кухонной дверью, а я в это время бреду в уютную гостиную, гадая, что же могло произойти. Вскоре Эйлин присоединяется ко мне с чашкой чая в руках.

– Что случилось, Эйлин?

– Вам пришло электронное письмо. Оно от, – она понижает голос, – Роберта Сэддлбоу.

– А, от моего старого друга, сэра Роберта, – громко отвечаю я. Признаюсь, я горжусь этой дружбой.

– И еще одно письмо с острова Медальон. От вашего внука, Патрика...

– Я прекрасно помню имя своего внука, Эйлин, спасибо.

– Я их распечатала для вас. Вот они.

Эйлин протягивает мне два листа бумаги, и я тут же их выхватываю. Я оглядываю полку камина, комод и журнальный столик, но все тщетно. Моих очков нигде не видно. Они постоянно куда-то пропадают, и это чрезвычайно утомляет. Очень хотелось бы, чтобы люди перестали трогать мои вещи.

– Миссис Маккриди, извините. Я не смогла удержаться и прочла их, – признается Эйлин.

Это совершенно нормально, я прекрасно знаю, что она читает каждое письмо, отправленное мне по электронной почте. Просто не может устоять.

– Хотите, я прочитаю их вам вслух? – спрашивает она, очевидно сгорая от нетерпения сделать это.

– Ну, давай.

– Возможно, вам стоит присесть, миссис Маккриди.

Я опускаюсь в кресло королевы Анны, ее слова меня встревожили. Я замечаю, что Эйлин крайне взбудоражена, потому что, когда она забирает обратно письма, ее руки дро-

жат.

– Тогда я начну с письма сэра Роберта, да?

– Как пожелаешь, Эйлин.

– «Моя дорогая Вероника», – начинает она. От этих слов у меня тут же поднимается настроение. Уже много лет никто не писал мне такое в письмах. Представить себе, я ведь познакомилась с сэром Робертом всего несколько недель назад! – «Надеюсь, вы не будете против, что я прошу вас о таком странном одолжении в письме. Я хотел изложить суть дела письменно, и чтобы информация дошла до вас как можно скорее. Пережду сразу к сути. Во время нашего знакомства на Рождество я упоминал, что вскоре отправлюсь в Австралию и на Фолклендские острова, чтобы снимать там новый сезон документальной передачи о морских птицах».

Эйлин смотрит на меня и широко улыбается.

– Умоляю тебя, Эйлин, сделай одолжение, читай дальше.

Она повинуется.

– «Мы с продюсерами много обсуждали, как сделать программу более интересной для аудитории. Мы решили, что лучшим решением будет снять сериал про пингвинов, потому что это очаровательные птицы. Но, как вам известно, в последние годы я уже снял документальный фильм «Будни пингвинов», и нам очень хотелось бы показать свежий взгляд на этих замечательных птиц».

– Мне показалось, что он собирался перейти к сути, – ворчу я, а затем даю Эйлин знак продолжать.

– «Многие люди чувствуют свою беспомощность, когда речь идет об изменении климата, потому что отдельным индивидам не под силу что-то изменить. Поэтому продюсеры нашей программы решили рассказать о том, что может сделать каждый из нас, чтобы помочь сохранить дикую природу. Я вспомнил о том, как вы ежедневно собираете мусор на побережье. Благодаря блогу Терри про пингвинов вы стали очень популярны – храбрая женщина с невероятной историей, и возможно вы не осознаете этого, но у вас появилась собственная фанатская база в социальных сетях, когда Терри опубликовала ваши фотографии с Пипом. Теперь ваше имя неразрывно связано с пингвинами, их спасением, и вы стали настоящим... Как лучше это сказать? Настоящим амбассадором пингвинов». – Эйлин снова делает паузу. – Амбассадор пингвинов! Подумать только! – заключает она.

Я бросаю на нее укоризненный взгляд, и она продолжает.

– «Во время нашей встречи я также отметил, как невероятно вы умеете изъясняться с помощью архаических слов и конструкций», – на этом моменте я невольно фыркаю, – «а еще у вас прекрасно поставленная, четкая речь – то, что нужно, чтобы стать прекрасной ведущей. Прошу вас, скажите, если моя просьба неуместна, но я не могу не спросить: не согласитесь ли вы отправиться в полностью оплаченное путешествие в Австралию или на Фолклендские острова, а может сразу в оба места, чтобы поучаствовать в съемках в качестве моей соведущей?».

Голос Эйлин становится все громче и громче, и на последнем параграфе она не сдерживается и переходит на визг.

– О, миссис Маккриди! Миссис Маккриди! Новое путешествие! И не с кем-нибудь, а с самим Робертом Сэддлбоу! Сэром Робертом Сэддбоу! И пингвинами!

Я изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание. Но внутри меня просто кипят эмоции.

– Упоминает ли он, когда?

– Да, тут есть все детали. Совсем скоро. Он пишет, что уже в следующем месяце. Что вы будете делать?

– Сама идея такого предприятия кажется мне странной и нелепой, Эйлин.

– Но я думала... – она затихает, заметно расстроившись.

Я делаю глоток чая и аккуратно ставлю чашку обратно на блюдце.

– И правда, чрезвычайно странное и нелепое предложение, – повторяю я суровым тоном. – Поэтому я как следует его обдумую.

Эйлин радостно хлопает в ладоши.

Я сижу неподвижно, но внутри меня переполняет приятное чувство, которое лучше всего может быть описано словом «восторг». Да, я в восторге. В восторге с головы, с самых кончиков моих седых волос, до ног, моих старых варикозных ног.

Затем я вспоминаю.

– А что насчет другого письма? – интересуюсь я.

Эйлин заметно мрачнеет. Она берет в руки второе письмо, и я вижу, что на листе напечатана всего одна фраза.

ВЕРОНИКА

– Смотри, Вероника!

Какая наглость – поставить компьютер посреди обеденного стола, но я потакаю этому безобразию и смотрю на экран. Дэйзи выбрала фотографию. На ней красуется причудливое трио – девочка, пингвин Мак и я собственной персоной. Розовый цвет головной повязки Дэйзи совершенно не сочетается с красными оттенками моего пальто, сумочки и помады, а также вступает в противоречие с желтыми перьями на голове Мака, вместе мы выглядим совершенно безвкусно. Но композиция снимка неплохая – я располагаюсь по центру, а две фигуры пониже стоят ближе к камере. Мак внимательно смотрит на Дэйзи, его клюв направлен к ее лицу. Когда смотришь на фото, первым делом замечаешь торжествующую улыбку девочки.

– Это ее ты собираешься отправить Ноэлю? – спрашиваю я, отложив ручку, которой только что записала последнее отгаданное слово кроссворда.

Дэйзи вздыхает:

– Не Ноэлю, Вероника! Ноа!

Мало того, что имя ее брата просто невозможно запомнить, так он еще упорно доказывает нам, что в Шотландии нет пингвинов. Дейзи полна решимости доказать ему обратное.

Пока Эйлин помогает ей загрузить фотографию в интернет (и отправить копии Терри и, по настоянию Дейзи, сэру Роберту), я молча погружаюсь в свои мысли. Позже мне предстоит встреча с сэром Робертом, что меня очень радует, но я не могу избавиться от тревоги из-за второго письма. Я тяжело вздыхаю.

– Что такое, Вероника? – спрашивает Дейзи.

– Кое-что стряслось с моим внуком.

– То есть с Патриком?

– Да.

Она немного знакома с Патриком, поскольку ее отец Гэвин (или «Гэв», как они его называют) был его начальником в магазине велосипедов в Болтоне.

– Мой папа скучает по Патрику, – выпаливает она. – Думаю, ты тоже.

Такая мысль не приходила мне в голову, но, кажется, в ней есть доля правды.

– Разве не удивительно, Вероника, что у тебя есть медальон, а Патрик работает на острове, который называется Медальон, – замечает Дейзи.

– Но ведь именно из-за этого медальона остров и привлек мое внимание, – объясняю я. – А Патрик там оказался из-

за меня.

– Значит, твой медальон творит чудеса? – спрашивает она.

– Вполне возможно.

Я думаю о болезненных воспоминаниях, которые таит в себе медальон.

– Кажется, теперь самое подходящее время рассказать мне, что спрятано внутри, – намекает Дейзи.

– Однажды я все тебе расскажу. Но не сейчас.

Эйлин начинает греметь щеткой и совком, но Дейзи целых полминуты сидит совершенно неподвижно, погружившись в свои мысли. Затем она вскакивает, и я слышу, как она вбегает вверх по лестнице. Она тут же возвращается и кладет мне на руку маленький лоскуток. Я рассматриваю его сверху вниз. Это тонкая полоска, сплетенная из разноцветных нитей, на которые нанизаны бусины в форме ромашек и сердечек.

– Это для тебя, Вероника. Я ведь знаю, как ты любишь украшения, – говорит она.

– Я сама его сплела.

Эйлин перестает греметь и приближается к нам, чтобы посмотреть, о чем мы говорим. На ее лице появляется хорошо знакомое мне выражение любопытства.

– Какая прелесть, Дейзи! – восклицает она, просяив.

Прелесть не совсем подходящее слово, но я хмыкаю в знак признательности.

Выясняется, что этот предмет – «браслет дружбы», сплетенный из набора, который девочке подарила одна из школьных подруг, когда Дейзи только заболела.

– Мои браслеты дружбы творят чудеса, прямо как твой медальон, – говорит она мне.

По правде говоря, я не в восторге от идеи носить эту неудобную штуковину, но позволяю девочке повязать ее вокруг моего запястья. В конце концов, это очень милый жест.

Сэр Роберт, когда не занят на съемках, которые заставляют его отправляться в опасные путешествия в разные уголки планеты, живет в Эдинбурге. Город находится всего в паре часов езды от Балахей, и, если Эйлин не сможет меня отвезти, я смогу легко добраться до него на общественном транспорте или на такси. В последнее время я скорее выбираю второй вариант. Все чаще приходится выбирать комфорт, и это не просто прихоть – отнюдь, все дело в моем стареющем теле. Оно и само является своего рода транспортным средством, я больше не могу его контролировать, но вынуждена пользоваться им по мере возможностей.

Таким образом, я оставляю Дейзи на несколько часов в надежных руках Эйлин, и отправляюсь в Эдинбург на такси. Я устраиваюсь на заднем сидении и расправляю юбку. Теперь, когда можно ненадолго отдохнуть от ухода за ребенком, мои мысли возвращаются к Патрику, и меня охватывает сильное беспокойство. Как я ни пытаюсь, я просто не могу понять своего внука. Я снова и снова прокручиваю сло-

ва из его электронного письма. Там была только одна фраза: «Прости, бабуля. Тебе это не понравится, но мы с Терри расстались. Патрик».

От этой фразы меня охватывает тревога. Как такое могло произойти? Я снова и снова задаюсь этим вопросом. Патрик ведь правда любит Терри, я уверена в этом. Я всегда была убеждена, что эти двое подходят друг другу как чашка блюдцу. Они оба по-своему практичны, оба готовы идти на компромиссы и уступать. Этим двоим важно поступать правильно, но они также очень любят друг друга. Эдакие крепкие орешки с мягкой сердцевиной. Он нуждается в ее свете, чтобы разогнать мрак, который съедает его изнутри, а ей нужна его преданность, чтобы исцелить свое одиночество. Что же такое могло стать причиной столь внезапного разрыва?

Если бы я только была там, с ними, я бы наверняка нашла способ помирить их... но что я могу сделать, находясь здесь? Придется надеяться, что они смогут решить эту проблему самостоятельно. Придется верить, что в следующем письме он напишет: «Забудь о том, что я писал тебе, бабуля. У нас с Терри все снова хорошо. Целую».

Голос таксиста прерывает мои размышления и возвращает к реальности.

– Почти приехали, мэ.м.

Мы заворачиваем на Принсес-стрит, и на фоне голубовато-серого неба вырисовываются до боли знакомые очертания замка. Мысль о скорой встрече с сэром Робертом приобод-

ряет меня. Я еще ничего не решила, но его предложение, бесспорно, мне польстило. Я вся дрожу от предвкушения.

Сэр Роберт уже на месте, когда мы подъезжаем. Он выглядит просто великолепно в своем пальто классического кроя, его густые белые волосы красиво обрамляют его аристократические черты лица. У него серьезный вид, но глаза по обыкновению заговорщически сверкают. Знаменитый озорной огонек. Мы под руку идем в ТерлстонХаус, наш любимый ресторан. Он располагается в красивом здании с колоннами на входе, окна которого выходят на Трон-Кирк и Королевскую милю. Сэр Роберт открывает передо мной дверь, как всегда – безупречный джентельмен. Я вхожу внутрь, в нагретое камином помещение, и меня окутывает пьянящий аромат приправ, чеснока, жаркого и свежее испеченного хлеба. Каждый стол убран, как полагается, белой скатертью с льняными салфетками, свечой по центру и небольшой вазой с вереском. Настоящие цветы – знак качества, вот что я думаю.

Мы присаживаемся недалеко от камина и заказываем вареного морского сазана, а затем вкуснейший кранхан на десерт.

Сэр Роберт внимательно разглядывает меня с другого конца стола, и у меня создается ощущение, что он видит меня насквозь. Мне было бы некомфортно, будь на его месте кто-то другой, но я чувствую, что сэр Роберт фокусируется на моих положительных качествах.

– Когда я впервые узнал о вас из блога Терри, я подумал, какая же вы храбрая, что решили отправиться в Антарктиду в свои... восемьдесят? Я не ошибся?

– Да, мне за восемьдесят, – не хочу называть свой точный возраст.

– Чрезвычайно храбрая и бесстрашная женщина, – замечает он.

Обычно я не доверяю льстивым речам, но в случае с сэром Робертом я готова закрыть на это глаза.

– О, это пустяки, – скромно отвечаю я. – Как вам известно, сэр Роберт, Южные Шетландские острова расположены вдоль антарктического побережья, к северу от полуострова. К тому же, я отправилась туда во время антарктического лета. На острове Медальон в среднем тридцать пять градусов по Фаренгейту, почти столько же, сколько бывает в Шотландии зимой, а к такой температуре я привыкла.

Он слегка наклоняет голову.

– Ах да, я понимаю в градусах Фаренгейта, – отвечает он, что не может не радовать (Эйлин понимает температуру только по Цельсию). – Но я знаю, что полевой центр плохо оборудован. Насколько я помню, там совсем скромные удобства.

– Да, полевому центру и в самом деле далеко до того уровня роскоши, к которому я привыкла в Баллахеях, где провела большую часть своей жизни. Но я ведь пережила войну, так что такие материальные мелочи меня не волнуют. Слож-

нее было справиться с недоверием ученых.

Я вспоминаю, как Дитрих и остальные из всех сил пытались отговорить меня оставаться на острове.

Сэр Роберт понимающе кивает,

– Ах, да. У меня самого были некоторые проблемы из-за скептиков.

Он примерно на десять лет младше меня и находится в прекрасной физической форме, но мне известно, что уже много лет общественность задается вопросом, когда же он уйдет на пенсию.

С ним я могу позволить себе говорить все, что думаю, без прикрас.

– Из-за нашего преклонного возраста молодежь думает, что мы уже свое отгуляли, – ворчу я. – Они думают, что нам следует поумерить свой пыл, что мы уже все успели. Но дело в том, что я не успела. Я совсем ничего не успела.

Я отдаю себе отчет, насколько эмоционально я реагирую, но будь, что будет.

Сэр Роберт сочувственно отвечает:

– Что же, я надеюсь, вы чувствуете, как ситуация меняется. Вы уже пережили великое приключение, а теперь я дарю вам возможность пережить еще одно. Преподношу на блюде, – добавляет он, когда официант приносит обед и ставит тарелки прямо перед нами. Роберт делает глоток вина, и одаривает меня игривой улыбкой.

– В наших с вами руках доказать скептикам, что они оши-

баются.

– Вы совершенно правы, сэр Роберт. Итак, расскажите мне об этом проекте поподробнее.

Его лицо принимает серьезное выражение.

Он сообщает мне, что морские птицы находятся в смертельной опасности. Морские птицы в общем – группа позвоночных, которая больше всех других обитателей планеты находится под угрозой вымирания, и именно поэтому он так стремиться снять эту программу. Судя по всему, часть программы уже отснята. В прошлом году сэр Роберт уже успел съездить в Скомер и на Фарерские острова, чтобы рассказать про тупиков, и уже собрал некоторый материал про альбатросов.

– Теперь пора взяться за бакланов.

– Прошу прощения? – я слегка поправляю слуховой аппарат.

Он повторяет фразу.

Я почти уверена, что все правильно расслышала, но не могу поверить, что сэр Роберт позволяет себе такие жаргонные выражения. Он начинает объяснять, и я с облегчением узнаю, что баклан – это не обзывательство, а птица семейства олушеобразных.

– Хохлатый баклан – невероятная птица, полностью черная и с оранжевыми пятнышками на щеках. Этот вид находится под серьезной угрозой исчезновения. Я полечу на семь островов в Баренцевом море, чтобы снять выпуск про них,

и уже оттуда отправлюсь в Австралию.

Затем он соберет информацию об альбатросах, буревестниках и поморниках для следующей части программы, но хотел бы, чтобы я, Вероника Маккриди, рассказала о пингвинах. Если я соглашусь, потребуется чуть больше недели, чтобы снять репортаж о малых пингвинах в их естественной среде обитания.

После этого сэр Роберт сразу же отправиться на пять недель на Фолклендские острова, куда я тоже могу поехать, если решусь участвовать в проекте и дальше. Фолклендский архипелаг, по словам ведущего, состоит из более чем семисот островов, многие из которых необитаемы. Население некоторых других островов не больше десяти тысяч человек, но, как уверяет меня сэр Роберт, люди там приветливые и гостеприимные. Планируется, что съемки будут проходить в нескольких локациях, и нам придется перелетать с острова на остров на маленьком восьмиместном самолете, так что нас ждет немало живописных видов из иллюминаторов.

Фолклендские острова для меня в первую очередь ассоциируются с войной Маргарет Тэтчер, но сэр Роберт описывает их как райское место: километры открытой местности, перемежающихся крошечными поселениями, стадами овец и колониями птиц, и все это в окружении переливающейся бирюзово-синим и серебристо-голубым водной глади. Острова находятся на том же расстоянии от полюса, что Великобритания, только не от северного, а от южного, и поэто-

му в следующем месяце там будет конец лета. Наш шотландский январь – затянувшаяся череда серых, промозглых дней, и, должна признаться, мысль о длинных солнечных вечерах, ясном небе и запахе летних лугов меня очень привлекает.

– Мы не сможем рассказать о каждом виде пингвинов в рамках программы, – признается мне сэр Роберт. – Но нескольких постараемся охватить.

Я прошу его назвать разные виды пингвинов, и он перечисляет мне все восемнадцать, загибая пальцы. У него просто невероятная память – почти такая же безупречная, как у меня. Оказывается, что на Фолклендских островах обитает пять разных видов, и я рада узнать, что среди них есть золотовласые пингвины. Тут мне удастся вставить в разговор недавно приобретенные знания:

– Да, сэр Роберт, этот вид пингвинов обязан своим вторым названием, «макарони», моде восемнадцатого века – макаронизма, как в песне «Янки Пудель».

– «Янки Пудель»? – сэр Роберт удивленно поднимает свои густые брови, пораженный моей эрудицией.

Я с большим удовольствием проглатываю большой кусок морского фазана.

– Мой продюсер очень хочет, чтобы мы сделали эту программу популярной у широких масс, – продолжает он. – И я чувствую, что людям уже наскучил мой голос...

– Ну уж нет, сэр Роберт! – возражаю я.

– А вы бы привнесли в программу что-то совершенно ори-

гинальное, Вероника.

Я чувствую, как мое лицо расплывается в улыбке. Сэр Роберт уверяет меня, что роль ведущей не доставит мне никаких хлопот, потому что львиную часть работы он берет на себя. Слегка раздосадованная тем, что я не буду в программе номером один, я, тем не менее, дрожу от восторга при одной мысли о том, чтобы снова увидеть пингвинов в дикой природе, при том совсем скоро. Поэтому я даю сэру Роберту свое согласие на участие в программе, и принимаю приглашение стать его соведущей и на островах Антиподов, и на Фолклендских островах.

До сих пор я считала, что поездка на остров Медальон была моим последним великим приключением в жизни. И вот теперь я стою на пороге очередного приключения, и с трудом могу поверить в свою удачу. На этот раз меня ждут не скромные условия полевого центра и не самый холодный материк на планете; моя поездка будет довольно комфортной, со всеми удобствами и без лимита на чашки чая, в сопровождении съемочной группы Би-би-си и самого очаровательного джентельмена из всех, что я знаю. А еще там будут пингины. Тысячи пингвинов.

ПАТРИК

Корабль в Южном океане

Бабуля говорит, что импульсивные поступки в крови у Маккриди. Думаю, я только что доказал ее правоту.

Я наклоняюсь за борт. Здесь, в открытом море, очень холодно. Порывы ледяного ветра обжигают мое лицо. Крики чаек и поморников отдаются эхом в белоснежном небе. Со всех сторон мы окружены острыми вершинами айсбергов, отражающих свет так ярко, что у меня болят глаза. Вдалеке я вижу несколько китов, пускающих фонтаны, но я злюсь на них за то, что они выглядят слишком радостными. Сейчас, когда я уезжаю с острова Медальон, это совсем не к стати.

Я просто не смог больше терпеть. Не собираюсь играть в счастливую семью и дальше притворяться. Ясно одно: я не могу сейчас работать с Терри. Я должен был сбежать оттуда.

Я подавлен, язвителен и раздражен. Как дикобраз – думаю, что мог вы выпустить тысячу острых колючек в любого, кто приблизится ко мне. Да и какой смысл разговаривать с

другими пассажирами? Эти люди просто повстречались мне на пути, они, как и я, погружены в свои проблемы, и мне есть о чем подумать безо всякого общения, большое спасибо. Я избегаю всех на корабле и стараюсь больше времени проводить на палубе. Я продрог до костей. Прекрасно. Кажется, у меня пропал аппетит. Прекрасно. Я чувствую себя разбитым. Прекрасно. Я снова стал грустным одиноким ничтожеством. Прекрасно.

Прекрасно, просто прекрасно, что мне удалось закончить эту сумасшедшую главу моей жизни, но сцены из нее все никак не выходят у меня из головы. Хруст снега и блеск ледников. Тюлени, бьющие своими плавниками, чайки, парящие в небе, сверкающие ручьи талого снега. Склоны, усеянные пингвинами. Бродить среди них, осматривать, взвешивать, считать, пометать. Пар изо рта, затвердевшие от холода варежки, трудности, счастливые моменты. Здание полевого центра. Дитрих, потирающий бороду, Майк, сбивающий снег с ботинок, Терри, сжимающая кружку чая в руках, я, помешивающий горячий томатный суп. Вот Дитрих достает карандаш из подставки и принимается за новый комикс про пингинов, вот Майк изучает кости в лаборатории, вот Терри сидит перед компьютером, поправляет очки и пытается подобрать нужные слова для своего блога. Вот мы вчетвером сидим за столом и поедаем кашу. Вот Дитрих ставит джаз на CD-плеере, я соединяю провода, Терри наматывает шарф вокруг шеи пять раз, Майк стучит по барометру, Дит-

рих восклицает «Майн Готт!».

Вот Терри держит пингвина под мышкой, а в зубах у нее карандаш. Вот Терри смеется, потому что каким-то образом пингвину удалось накакать ей на голову. Вот Терри наклоняется ко мне, чтобы показать новые фотографии на своем фотоаппарате. Терри целует меня в губы. Снимает с себя несколько слоев одежды и ныряет под одеяло, ее мягкое, теплое тело скользит по мне, разжигая внутри меня огонь.

А вот мрачные события прошлой недели прерывают эти воспоминания. После намеков Майка я начал замечать, что Терри действительно меня не любит, что она со мной только потому, что бабуля спонсирует проект. Как только я это понял, я стал видеть подтверждения повсюду: в ее взгляде, в голосе, даже, черт возьми, в ее походке. И она постоянно задерживалась, чтобы поработать еще немного. Избегала меня, когда я пытался проявить свою любовь... а затем пыталась компенсировать это притворной лаской. Каким же кретином я был. Мне даже не приходило в голову, что Терри со мной не из-за моей жалкой, раздутой «личности», я был нужен ей только из-за бабушкиных денег.

Последней каплей стала поломка фильтра для воды. Я уже провалил несколько попыток починить его, и мы провели три отвратительных дня с вонючей водой и несварением. Из-за этого мое настроение было ни к черту, и я провел пол ночи, пытаясь его починить. У меня все никак не получалось, а затем, прямо перед восходом солнца, фильтр сдох оконча-

тельно. Я заревел от отчаяния и гнева.

Они все выскочили из своих спален, протирая глаза, чтобы узнать, что стряслось. Лицо Дитриха разочарованно нахмурилось, а Майк расплылся в широкой ухмылке. Терри встревоженно потянулась ко мне, чтобы обнять. Я стряхнул с себя ее руки и накричал на нее, на всех них. Чем больше она вздрагивала от моих криков, тем больше я приходил в исступление. Ученые встретили мой срыв напряженным, осуждающим молчанием.

Его нарушила Терри, сказав тихим, но ледяным голосом:
– Иногда я задаюсь вопросом, по силам ли тебе все трудности жизни на острове Медальон, Патрик.

И тут я просто сорвался. Из меня посыпался град новых оскорблений. Я наговорил вещей, которые мне никогда не следовало произносить вслух, но теперь уже слишком поздно, да, черт возьми?

И тогда она сказала:

– Если ты действительно так думаешь, то, возможно, наши отношения были ошибкой.

Я почувствовал себя так, будто мое сердце лежало у нее в руках, и она только что разорвала его на кусочки.

Никогда не забуду боль и обиду, которые я тогда испытал. Им нужно было найти выход.

И я его нашел.

ТЕРРИ

Остров Медальон

– Полагаю, это конец.

Майк тут же принимается осуждать и предсказывать наилучшие сценарии. Я притворяюсь, что не понимаю, о чем он говорит, и вопросительно смотрю на него.

– Конец нашему проекту, да?

Он раздраженно выплевывает слова.

– Патрик побежит жаловаться Веронике, Вероника остановит финансирование, и тогда нам крышка.

Мне хочется встать на защиту Патрика. Но вместо этого я начинаю защищать Веронику.

– Она сама примет решение. Вероника поддерживала нас с того момента, как узнала о проекте, и я не верю, что она так легко от нас откажется.

Я щелкаю пальцами, чтобы изобразить эту легкость. Но даже сейчас я осознаю, что Вероника и правда остро реагирует на происходящее, и ее реакция может быть непредска-

зуемой.

Дитрих поднимает голову от своих бумаг. У него обеспокоенный взгляд, но он пытается уравновесить пессимизм Майка.

– Хочу напомнить, что Вероника спасла Пипа, – говорит он. – Так что она эмоционально привязана к проекту.

– А еще она эмоционально привязана к этому неудачнику Патрику, – возражает Майк.

Он нарочно подчеркивает, как эгоистично поступил Патрик, но прямо этого не говорит. Как будто это без него непонятно.

Я не собираюсь соглашаться или спорить с ними. Я расплачусь, даже если просто произнесу имя Патрика, а это никому сейчас не нужно – ни мне, ни им. Я плакала перед Дитрихом всего пару раз за все годы, что мы работаем здесь, но перед Майком только однажды – когда мы все думали, что Вероника умирает. Но сейчас очевидно, что требуются практические решения, а не истерика и слезы.

Я быстро подсчитала, сколько еще мы сможем продолжать исследования, если Вероника перестанет поддерживать нас, и прогнозы неутешительные: максимум три-четыре месяца.

– Я напишу Веронике, – решаю я. – Буду честной и расскажу ей, как сильно мы нуждаемся в ее помощи.

Дитрих потирает бороду.

– Спасибо, Терри, – наконец произносит он. – Думаю, это единственный возможный выход.

Майк кривит лицо.

– Не забудь упомянуть Пипа.

Я соглашаюсь.

– Я и так рассказываю о нем в каждом письме. Она была бы в восторге, если бы я этого не делала.

Полевой центр больше не кажется уютным. Сейчас еще совсем рано, но мне нужно отправляться в колонию. Я надеваю снаряжение так быстро, как только могу, и иду на утренний обход. День сегодня облачный, идет небольшой снег. Я тащусь вверх по склону и как всегда останавливаюсь на вершине, чтобы полюбоваться видом: мягкое белое полотно снега, гладкие скалы, отражающие свет, горная гряда на горизонте и озеро в форме полумесяца. А вдалеке, раскинувшись по всей долине, меня ждет суетливая и полная жизни колония пингвинов – как много она значит для меня.

Пингвины. Пингвины всегда на первом месте.

Я набираю темп и быстро спускаюсь по склону в самую гущу колонии. Какое облегчение я испытываю, когда оказываюсь среди этих шумных, пахучих, невероятных птиц. Некоторые стряхивают снежинки со своих пухлых туловищ, другие прячутся в своих гнездах. Многим из них всего несколько недель от роду, они такие смешные и трогательные, покрытые растрепанным серым пухом. По краям колонии туда-сюда снуют пингвины, ковыляют с расставленными крыльями или скользят по снегу на животах, отталкиваясь своими сильными ногами. Они оставляют темные следы на снегу,

подобные складкам на белой простыне.

Я с головой погружаюсь в работу. Может людей на острове и останется всего трое, но зато у меня есть целых пять тысяч пингвинов Адели.

Патрик уже, наверное, в сотнях миль отсюда, но он никак не выходит у меня из головы. Жалее ли он о том, что сел на корабль? И что за муха его укусила! Ненавижу злиться – от этого ощущение, будто мой разум захватывает темная сила – но я ничего не могу поделать с собой. На карту поставлено нечто более важное, чем его уязвленное эго, и я не могу поверить, что он мог так поступить с нами.

Я брожу по колонии и помечаю еще нескольких пингвинов, и меня начинают охватывать сомнения и сожаления. Была ли я неправа? Была ли я виновата?

Возможно, нам с Патриком с самого начала не суждено было быть вместе. Мы влюбились друг в друга так скоро и при таких странных обстоятельствах здесь, на острове Медальон. У меня нет опыта в отношениях, и я никогда не была в них мастером. У меня есть всего несколько бывших – самодовольный Стиви, который не потрудился сообщить о том, что он веган, до тех пор, пока моя мама не положила перед ним свиную отбивную, красавчик Сэм, который так и не смирился с тем, что я не ношу платья, и высокомерный Дэмиан, который считал, что лучшее свидание – это когда я смотрю, как он играет в своей группе. Я всегда очень стара-

лась в этих отношениях, но всегда в глубине души осознавала, что все должно быть совсем иначе. Когда я приехала на остров Медальон, я испытала такое облегчение. Наконец-то я могла забыть о мужчинах и сосредоточиться на пингвинах.

А затем появился Патрик, и я испытала совершенно другую любовь. Такую, о которой пишут книги и сочиняют песни. Эта любовь сделала меня очень счастливой, как бывает, когда любишь по-настоящему.

Готова поклясться, что он тоже был счастлив.

У меня начинает щипать в глазах. Я огородила небольшой участок, и пытаюсь подсчитать соотношение взрослых особей и птенцов. У меня есть кликер, но я снова и снова сбиваюсь со счета. Я обнуляю его и начинаю все сначала.

Это бесполезно. Я ненадолго сворачиваю в сторону и направляюсь к берегу, глубоко дышу и пытаюсь взять себя в руки. Облака уже рассеялись, и солнечные лучи пробиваются сквозь них и золотом отражаются на поверхности воды. Айсберги напоминают огромную сверкающую флотилию. Маленькие плоские фигуры плавают рядом с рельефными гигантами, покрытыми синими тенями и белыми отблесками. И все же даже в такой ясный день, когда волны выбрасывают сверкающие, подобно бриллиантам, капли с каждым ударом о скалы, в спину мне дует ветер, а в ушах стоит шум от пяти тысяч пингвинов, я не могу отделаться от потрясения, вызванного недавними событиями.

Я не понимаю, как мы справимся со всем, ведь Дитрих

тоже совсем скоро уедет. Мне придется определиться с тем, что мы сможем сделать, и тем, что у нас уже точно не получится. И как Вероника отреагирует на новости? Она справедлива, но упряма. Надеюсь, Патрик не станет настраивать ее против нас. Я знаю, что ему больно, но он ведь не способен на такое?

Меня охватывает чувство одиночества. Я позволяю себе немного поплакать, а затем возвращаюсь в центр колонии. Среди черно-белой массы виднеются крошечные цветные точки – желтые метки, которые мы прикрепили к крыльям птиц, чтобы отслеживать отдельные особи. Я всматриваюсь в толпу пингвинов, чтобы разглядеть одну оранжевую точку среди сотен желтых. Если я смогу найти Пипа, он поможет мне немного взбодриться.

Мне не требуется много времени, чтобы его отыскать. Я пробираюсь к нему через других птиц, гнезда из гальки, камни и скользкое розовое гуано. Он занят оживленной болтовней с тесной стайкой других пингвинов. Они синхронно поворачиваются и смотрят на меня с типичным для Адели любопытством. Пип вытягивает голову и встряхивает хвостом.

Впервые с отъезда Патрика мне удастся улыбнуться. Пип уже подросток и совсем не похож на тот милый комочек, которым мы его нашли, но я все еще обожаю его. Когда речь идет о других пингвинах, мне удастся сохранить положенную дистанцию. Я видела мертвых Адели, лежащих повсюду у моих ног, после снежной бури, видела птенца, заклеванно-

го до смерти поморником, видела окровавленного пингвина, которого тюлень ударил о скалы, а затем съел. Как хирург перед операцией, я научилась дистанцироваться эмоционально от страданий пингвинов, иначе я просто не смогла бы работать. Но когда дело касается Пипа, все совсем иначе. Все дело в Веронике. Ей каким-то образом удалось передать мне свои чувства к этому маленькому пингвину Адели, чувства, которые корнями уходят в ее прошлое.

Майк и Дитрих знают об этой моей слабости, не характерной для ученых. Майк говорит, что это «непрофессионализм и сантименты». Дитрих отвечает: «Да, но это не мешает ей выполнять свою работу». В свое оправдание я напоминаю им, что Пип – единичный случай, и благодаря ему мы получили большую общественную поддержку. Кроме того, я считаю, что любовь – это хорошо, независимо от обстоятельств.

Пип наклоняет голову и тянет меня за штанину. Он еще слишком молод, чтобы спариваться и заводить потомство, поэтому его приятели особенно важны для него. Одно из них я уже пометила. Я записываю его номер (или, может быть, ее) – с пингвинами Адели сразу не разберешься. Затем я пользуюсь их растерянностью и быстро помечаю остальных троих. Они вырываются, когда я поднимаю их с земли, но я очень аккуратно засовываю их подмышку и закрепляю браслеты у основания их крыльев. Только один раз в ответ пингвин меня клюет. Пип с интересом наблюдает за процессом.

– Ну вот, теперь мы посмотрим, всегда ли ты тусуешься с

одними и теми же приятелями, – говорю я ему.

Скоро я опубликую в блог новый рассказ про него и других пингвинов с острова Медальон. Нет ничего важнее, чем будущее нашей планеты, поэтому я так много рассказываю о наших исследованиях, скорости таяния ледников и опасности, которую это представляет для наших дорогих пингвинов и для всей планеты в целом. Я развлекаю аудиторию фотографиями Пипа и рассказами о нем, ведь он невероятно популярен. Также я делюсь некоторыми историями из нашей повседневной жизни в центре. Но я не собираюсь рассказывать там, что Патрик нас покинул. Я делюсь проблемами только если это необходимо, и лучше скрывать от читателей плохие новости, если это возможно.

Я напишу электронное письмо Веронике как можно скорее. Я не собираюсь никого обвинять, но ей следует услышать нашу версию произошедшего.

ВЕРОНИКА*Баллахеи*

После года относительного бездействия я почти уже смирилась с жизнью по инерции. Однако теперь два происшествия снова всколыхнули мою жизнь: во-первых, внезапная возможность путешествовать по миру с сэром Робертом Сэдлбоу, и, во-вторых, скорое возвращение моего внука.

Полученное от Патрика сообщение по электронной почте из какого-то южноамериканского аэропорта меня, мягко говоря, крайне разочаровало. Я думала, что у мальчика есть рассудок и сила воли, но, похоже, внутренний стержень у него не крепче, чем у медузы. Лично я убеждена, что они с Терри могли бы разрешить все разногласия, если бы он остался на острове Медальон. Теперь такой исход кажется маловероятным. Он запрыгнул на корабль, который причалил к острову в то утро, когда они с Терри расстались, и тем самым поставил растерянную команду ученых в еще более трудное положение.

Терри, без сомнения, продолжит бороться за существование проекта, она сможет спрятать свои эмоции подальше и продолжить работу. Что же до Патрика... О, глупый мальчишка. Глупый, эгоистичный осел! Я просто в бешенстве, и скажу ему об этом прямо. Он должен попытаться найти какое-то подходящее дело для себя. Я ни за что не позволю ему растрачивать впустую свою жизнь.

Однако, к сожалению мне придется уехать на шесть недель практически сразу по его возвращению. Я бы хотела иметь в запасе больше времени, чтобы обсудить с внуком его будущее. Команде ученых с острова Медальон, безусловно, придется найти ему замену. Как бы я не стремилась поддерживать их в этом достойном предприятии, оплачивать пребывание там кого-то, кроме Патрика, я не намерена.

Письмо Терри приходит практически сразу после второго сообщения от Патрика, и оно гораздо более красноречивое и вдумчивое. Ей очевидно непросто разделять личное и рабочее, и я догадываюсь, что ей намного сложнее, чем она показывает.

Дорогая Вероника,

Очень надеюсь, что вы с Эйлин в порядке, и что ваши мозоли вас не беспокоят. Мы часто вспоминаем вас и чудесные приключения, которые мы пережили вместе. Боюсь, я вынуждена сообщить вам печальные новости, которые вы наверняка уже слышали от Патрика. Мы с ним решили разойтись, и он покинул остров Медальон.

Ему было трудно находиться здесь, в окружении Майка, меня и иногда Дитриха... и было непросто принять, что я одновременно была его начальницей и его девушкой. Мне приходилось делать непростой выбор, и для меня это было так же трудно – постоянно разрываться и делать так, как необходимо.

Мы с Дитрихом и Майком будем по нему скучать. Он здорово помогал нам здесь по быту и был настоящим подспорьем, и мы от всей души желаем ему самого наилучшего. Мы, конечно же, очень переживаем о будущем нашего проекта по исследованию и защите пингвинов Адели. Мы уверяем вас, что каждый из нас готов продолжать работу так долго, как только возможно. Пип весел и здоров. Кажется, он нашел трех верных друзей, и я слежу за их компанией, чтобы удостовериться, что он научился жить среди пингвинов. Он такой же красивый и крепкий, как и его ровесники. Сложно представить, что когда-то он был совсем слаб. Он постоянно напоминает нам о том, что вы сделали для него, нашего проекта и колонии пингвинов здесь, на острове Медальон.

С уважением, Терри

Терри любезна к своим коллегам по исследованию и более снисходительна к Патрику, чем я. Тем не менее, я до сих пор толком не разобралась, что произошло. Может, мой внук сделал что-то непростительное, а Терри просто не говорит мне этого. Или, может, Терри, до одури совестливая и правильная, ставила на первое место в своей жизни пингвинов,

а не Патрика. Ему бы такое не понравилось.

Я бреду в комнату для рисования, погруженная в свои мысли. Дейзи сидит за столом, разминая своими кулачками розовую блестящую массу, напоминающую пластилин. Когда она замечает меня, то буквально засыпает меня вопросами:

– Значит, это плохо, что Патрик возвращается домой? А пингины справятся без него? Он снова будет чинить велосипеды в магазине моего папы?

– Я не знаю, что ответить на эти вопросы, Дейзи.

Если разобраться во всех оттенках эмоций, которые я сейчас испытываю, то следует признать, что помимо злости на неблагородное поведение моего внука и тревоги из-за последствий такого неожиданного поворота, я испытываю некий подъем духа при мысли о том, что скоро снова его увижу.

– А Терри тоже возвращается? – спрашивает Дейзи.

Я грустной качаю головой.

– Они поженятся? – она все никак не оставит попытки женить Патрика. В каком-то смысле Дейзи неизлечимый романтик. Она твердо уверена в том, что брак гарантирует долгую счастливую совместную жизнь. (Я же, напротив, смотрю на жизнь намного циничнее, плоды моих любовных приключений чаще оказывались ядовитыми, чем сладкими).

Когда прошлым летом Патрик и Терри приехали домой с возмутительно коротким визитом, Дейзи увидела, как они

воркуют. Дейзи боготворит Терри и постоянно читает ее блог про пингвинов; из него она узнает все о распорядке дня в колонии, о сезоне линьки, зимовке на паковом льду и последующем их возвращении на сушу в октябре для размножения. Она следит за историями об Уголке, полностью черном пингвине, и больше всех обожает Пипа. Также она интересуется историями об ученых. Она запоминает все, что узнает о моем внуке, и всякий раз, когда я упоминаю Патрика и Терри вместе, она начинает петь поп-песни про любовь – или «любофь», что, насколько я понимаю, является более слащавой разновидностью любви. Более того, она уже напридумывала себе, что станет подружкой невесты на их свадьбе.

В ответ на бесконечные расспросы Дейзи я делаю вид, что ничего не слышу. Но когда она бросает свою розовую массу на стол и орет мне в слуховой аппарат: «ТЕРРИ И ПАТРИК ПОЖЕНЯТСЯ?», – мне приходится ответить.

– Боюсь, что нет, – отвечаю я.

– Не поженятся сейчас или не поженятся никогда? – уточняет она.

Все, что я могу сказать, это:

– Дейзи, я же не господь Бог, я не знаю.

– Если я буду подружкой невесты, то мне поскорее нужно отрастить волосы, потому что подружка невесты не может быть лысой, – говорит она мне с такой решимостью, будто может сделать это одним усилием воли.

– Не думаю, что тебе стоит беспокоиться об этом сейчас,

дорогая, – отвечаю я.

Дейзи замирает на целых тридцать секунд, а затем возвращается к своей лепке.

ПАТРИК*Болтон*

От Южного океана до Ушуайи, от Ушуайи до Буэнос-Айреса, от Буэнос-Айреса до Мадрида, затем до Хитроу, и вот, наконец, после нескольких дней в разных уголках планеты, я здесь – в Болтоне.

Дом ли это? Возможно, не дом. Болтон был моим домом, но то было четырнадцать месяцев и несколько тысяч пингвинов назад. Убогую квартиру, в которой я жил когда-то, теперь арендует кто-то другой, а мои скромные пожитки хранятся на складе. Я остановлюсь у Гэва. Я написал ему сообщение, как только появилась связь, и он сказал что да, я могу какое-то время пожить у него. Гэв просто лучший. Он был моим начальником в магазине велосипедов, но всегда был для меня скорее другом. Сейчас они с семьей могут немного выдохнуть. Их Дейзи чувствует себя намного лучше после ужасного курса химиотерапии в прошлом году. Доктора пока еще не говорят, что это «ремиссия», но надежда есть.

Сейчас Дейзи живет у бабули Ви. Похоже, они прониклись друг к другу.

Гэв, его жена Бет и даже их младшенький, Ноа, очень добры ко мне, но сам я чувствую себя потерянным. Те несколько клеток мозга, что еще оставались у меня, похоже, покинули мою черепную коробку.

Я брожу по улицам Болтона и глазею на все подряд. В этом городе я провел большую часть жизни, но даже до боли знакомые достопримечательности кажутся инородными и нелепыми. Думаю, сам город здесь не при чем. Я бы чувствовал себя так где угодно. Антарктида будто бы забралась мне под кожу и полностью меня поменяла. Теперь, когда я вдыхаю здешний воздух, я отчетливо чувствую запах дизеля, жареной картошки, мочи и одеколona. Бедная земля целиком застроена бетонными конструкциями, квадрат за квадратом, прямоугольник за прямоугольником, квартал за кварталом. И асфальт! Кто вообще решил, что нужно покрыть весь город этой серой разветвленной сетью – пристанищем бесконечных пробок. Мимо с ревом проносятся автомобили – нескончаемый поток железных коробок, передвигающихся с помощью сложных механизмов, порождающих шум и выбрасывающих выхлопные газы. Шум никогда не прекращается. Даже под землю они поместили гигантскую сеть тоннелей, проводов, труб и канализационных коллекторов, которые проводят по всему городу воду, отходы, газ и электричество – все то, что людям нужно постоянно куда-то пере-

давать. Это просто уму не постижимо. Пингвины просто испражняются в снег, добывают пищу из воды, довольствуются солнечным светом и развлекают друг друга – и все. Почему людям надо до невозможности усложнять вообще все? Я прожил большую часть своей жизни в этом хаосе. Как, черт возьми, я это терпел?

Куда бы я не направился, меня подхватывает людской поток и несет за собой. Все вокруг одеты по последней моде, орут в телефоны, болтают о последних новинках и о том, что показывают по телевизору. Люди просто повсюду. И среди них нет Терри. Не то чтобы это имело значение. Теперь с Терри покончено. Мне наплевать на нее с высокой колокольни. И правильно, что ее драгоценное исследование скоро закроется.

Гэв ставит передо мной пинту пива. Мы забрались в самый дальний угол «Фляги дракона». В прошлом мы пропустили здесь немало кружек пива, но теперь бар кажется мне каким-то другим. Тут тесно, плохо пахнет, а от шума кажется, что барабанные перепонки вот-вот лопнут.

Я пытаюсь не обращать на это внимания, и беспомощно смотрю на Гэва.

– Мужик, я в полном раздрае.

– Что стряслось? – с ухмылкой спрашивает Гэв.

Не могу выдавить ответную улыбку.

– Я не могу просто взять и вернуться к прежней жизни.

– Дружище, я вижу, – отвечает он. – Похоже, у тебя культурный шок. Думаю, тебе какое-то время нужно побыть в более спокойной атмосфере.

– Ага. В точку, приятель. Хорошо, что дальше я отправлюсь к бабуле Ви.

Гэв утвердительно кивает и отпивает из кружки.

– Проверь, как там Дейзи, ладно? Готов поспорить, что она доставляет им немало хлопот.

Я обещаю все ему доложить. Но у меня нет абсолютно никаких сомнений, что бабуля держит все под контролем. А еще я уверен, что она будет ужасно зла на меня. Наверное, заставит меня искупать вину до конца моей жизни.

Гэв ничего не сказал о том, что я покинул остров Медальон, и это, если подумать, весьма неожиданно.

– Что, даже не станешь подшучивать надо мной? – спрашиваю я.

– Ради чего? – Гэв слишком хорошо меня знаю.

На мгновение я задаюсь вопросом, а не предложит ли он мне вернуться на работу – проводить понедельник в компании велосипедных камер и втулок и нуждающихся покупателей. Он не предлагает.

– Я совсем не горжусь собой, – признаюсь я.

Безответственный. Вот слово, которое лучше всего меня характеризует. Гэв думает так про меня, и бабуля Ви, и вся чертова команда ученых с острова Медальон наверняка так думает. Это слово должно красоваться большими жир-

ными буквами в самом начале моего резюме, потому что, черт возьми, совсем скоро мне придется снова заняться своим резюме.

Я заливаю в себя пол кружки пива.

– Безответственность заложена в мои чертовы гены, – говорю я Гэву. – Взять только моего отца. Испарился, когда мне была всего неделя от роду.

Там, где у обычных людей хранятся воспоминания об отцах, у меня черная дыра. Зато у меня сохранилось несколько воспоминаний о моей матери. Я помню, как она сидела на корточках и дула на угли в камине, освещенная тусклым светом. Я помню, как она кричала на меня, когда я забрался на каменную стену, которая ей казалась небезопасной. Я помню, как она оставила запутанные колготки на полу фургона. Когда я вспоминаю маму, я чувствую запах розового мыла и дешевого шампуня вперемешку с горьким запахом кислого пива. Я слышу, как она снова и снова ставит записи Джони Митчела. Я вижу грязь у нее под ногтями. А еще я помню горечь в ее голосе. И как она говорит «У тебя нет отца» каждый раз, когда я спрашиваю о нем. Мне было всего шесть лет, когда она покинула меня, но я все это помню.

Что же касается отца... Там, где должны быть воспоминания о нем, полная пустота. В моей жизни было не так уж много примеров для подражания, и теперь я думаю, что отец должен был быть таким. Как карта жизни, которая указывала бы мне, как я должен себя вести, что должен делать, когда

мир катится к чертям.

– Ты в порядке, дружище? – спрашивает Гэв, наклоняясь ко мне и с тревогой заглядывая в мое лицо. – Выглядишь так, будто приведение увидел.

– Думаю о своем отце. Он давным-давно сыграл в ящик, но я все равно всей душой его ненавижу.

– Как можно ненавидеть человека, которого не помнишь?

Я пытаюсь объяснить.

– Я злюсь на него, будто все ошибки, которые я совершил в жизни – его вина.

Гэва мой ответ не убедил.

– И?

– Хорошо, несмотря на это, я хочу найти ему оправдание. Хочу верить, что у него была веская причина бросить нас с мамой. Хочу знать, что он раскаялся и сожалел об этом до конца своей жизни.

Гэв собирается сделать глоток пива, но замирает на пол пути. А затем он говорит мне именно то, о чем я думаю.

– Возможно, сейчас самое подходящее время это выяснить.

ВЕРОНИКА

Баллахей

Мы все столпились на подъездной дорожке. Из такси вылезает крупная лохматая фигура и бросает рюкзак на землю.

– Рад тебя видеть, бабуля!

Я позволяю Патрику обнять меня своими удивительно крепкими руками.

Дейзи подбегает к нему, и он подбрасывает ее в воздух и несколько раз кружит в руках.

– Ты стал совсем как Дитрих! – кричит она, когда Патрик опускает ее на землю. Она видела фотографии всех членов команды острова Медальон, и считает бороду и усы

Дитриха до ужаса смешными. Честно говоря, Патрик теперь почти такой же обросший. Его лицо спрятано под темной, взъерошенной растительностью.

– Я тебя с трудом узнаю, – признаюсь я.

– А ты попробуй бриться каждое утро, когда ты в Антарктиде, – оправдывается он.

– Не собираюсь делать этого, – заверяю я.

Честно говоря, я действительно в последнее время обнаруживаю торчащие из подбородка волоски, и это меня невыразимо огорчает. Почему с возрастом волосы на голове становятся такими тонкими и редкими, но при этом начинают появляться над верхней губой, на подбородке и в других неподходящих местах, – этого мне не понять.

Одна из немногих ошибок в безупречном устройстве природы. Но я отвлеклась.

Патрик оглядывает дом и тихо присвистывает.

– Здорово снова оказаться в Баллахеях! Я уже и забыл, какого размера это место!

Эйлин выходит вперед и пожимает ему руку.

– Рада снова видеть тебя, Патрик. Будешь чай? Печенье? Кексики?

– Я испекла тебе кексики, – радостно сообщает Дейзи. – Эйлин немного помогла, но украшала их я сама.

– Значит, будем есть кексики!

Патрик изо всех сил старается быть веселым, но я замечаю мешки у него под глазами и напряженное выражение лица, скрытое бородой.

Во время чаепития мы в основном говорим о Пипе. («О, он уже совсем взрослый. Постоянно валяет дурака. Типичный подросток. Вы бы посмеялись»). Затем, когда Патрик устраивается в комнате, мы вместе отправляемся погулять по саду. Утренний иней растаял и увлажнил пористую зем-

лю, затопив газон.

– Ощущение, что я наступаю на липкий шоколадный бисквит, – восклицает Дейзи, хлюпая по земле своими красными резиновыми веллингтонами. Мы же втроем идем по мощеным дорожкам вдоль бордюров и кустарников. Год только-только начался, и поэтому я пока что не могу похвастаться разнообразием флоры в своем саду, но уже видно, что совсем скоро в саду зародится новая жизнь. На ветвях орешника уже выросли короткие зеленые сережки, а на заднем дворе, который я называю «дикой природой», показались первые ростки подснежников, некоторые из них уже даже успели отрастить белые лепестки.

Когда Патрик и Терри приезжали в прошлом году, мой внук был веселым и жизнерадостным, теперь же он совсем другой. Терри хоть и совсем не легкомысленная, но всегда старается сохранять позитивный настрой. Без нее мой внук кажется более хмурым и угрюмым.

Дейзи засыпает его вопросами:

– Когда Терри приедет?

Патрик процеживает сквозь зубы:

– Она не приедет.

Дейзи выглядит растерянной из-за его грубого тона. Но вскоре Эйлин отвлекает ее и уводит искать перья в саду. У меня есть несколько мгновений наедине с внуком.

Когда я спрашиваю о Терри, он морщится и выглядит смущенным. Оказывается, у них были некоторые проблемы с

ее трудоголизмом и тем, что она уделяла ему слишком мало времени. А Майк, этот мрачный тип, все продолжал засыпать его колкими комментариями.

– Один из них особенно меня зацепил, – признается Патрик, но, что именно взболтнул Майк, не рассказывает.

Затем, судя по всему, случилась ссора из-за какого-то устройства в полевом центре, которая дошла до криков и брани. Тогда Терри предложила расстаться.

– В тот момент я сразу же осознал, что она никогда меня не любила... Она была со мной только потому, что... что...

Он бросает на меня взгляд и шумно сглатывает. Его кулаки сжимаются и разжимаются, а на лбу выступает вена.

– В общем, это так меня задело, что я просто выпалил: «Ладно, значит расстаемся. Все кончено».

Он не смог заснуть до самого утра. Он так страдал и злился, не мог найти себе места и все накручивал себя. С утра его отчаяние достигло таких масштабов, что он побросал вещи в рюкзак, крикнул, что уходит, и побежал на корабль. Он не задержался, чтобы увидеть реакцию членов команды, но в глубине души понимал, что все трое в полной растерянности пытаются понять, что произошло. Никто его не остановил.

Патрик вяло переставляет ноги и смотрит на меня с болью во взгляде.

– Я просто не знаю, куда себя деть. Это что – кризис среднего возраста?

– В двадцать шесть лет? Искренне надеюсь, что это не он.

– Мне двадцать восемь, бабуля.

– Я и говорю – совсем ребенок.

Я собиралась хорошенько его отругать, но он кажется таким потерянным, что я не решаюсь. Мне известно, что Патрик жил в нескольких приемных семьях. Думаю, неудивительно, что мальчику так трудно привязаться к кому-то и остепениться. Я подозреваю, что у него есть страх быть брошенным, и он скорее сам отвергнет других, чем рискнет снова оказаться отвергнутым. Поистине печальное наследство оставили ему родители.

Я молча бреду рядом с ним.

После долгой паузы он продолжает:

– В любом случае, раз уж я снова в вашем полушарии – (ты посмотри на него, в вашем полушарии! Будто он не провел большую часть своей жизни в Болтоне!) – мы могли бы попытаться что-то узнать о моем отце.

Я замираю.

Он тоже останавливается. Яростно жестикулируя, он продолжает:

– Отец ведь промежуточное звено между мной и тобой, но что мы о нем знаем? Почти ничего. Только то, что он погиб во время несчастного случая в горах. Нам не известно, знал ли он о своем усыновлении или думал ли когда-то о тебе, своей биологической матери. Мы не знаем, зачем он приезжал в Англию и почему снова уехал сразу после моего рож-

дения. Мы ведь и так собирались поискать информацию о нем, и мне кажется, сейчас самое время заняться этим. Что думаешь? Мне не терпится что-то узнать.

Что я думаю? Конечно же да! Но вслух я этого не говорю. Мое сердце начинает биться чаще.

ВЕРОНИКА

Моя трагичная история – всего лишь небольшая капля в море страданий, порожденных Второй мировой. Несмотря на все усилия, мне десятилетиями не удавалось отыскать никакой информации о моем сыне. Затем я узнала, что он трагически погиб во время несчастного случая. Совершенно случайно я узнала о существовании его сына, Патрика, много лет спустя. Но Патрик знает о жизни Энцо ничуть не больше моего. Нам предстоит еще столько всего узнать, и мне не терпится поскорее заняться этим.

Мне все еще больно думать о нем, но я всегда надеялась, что у моего мальчика сложилась прекрасная жизнь в приемной семье в Канаде, намного лучше, чем могла быть со мной. Когда Энцо был моим, у него была только одна игрушка – кошка, которую я сделала для него из старого, перештопанного носка. Он просто обожал эту игрушку, особенно когда я заставляла ее мурлыкать и тереться о его щеку. Когда он научился ползать, я придумала для него новую забаву – положила каштаны в старую кастрюлю, чтобы он мог катать ее по полу и греметь. Монахиням это не понравилось, потому что

было слишком шумно. Тогда я стала читать ему вслух книги, которые отыскала в монастырской библиотеке, хоть он и не понимал ни слова. Однажды он вырвал из книги листы. Монахиням это тоже не понравилась. Я собиралась сбежать из монастыря, когда он немного подрастет. Тогда я еще не теряла надежду, что однажды Джованни вернется и спасет нас.

Все эти годы я сотни тысяч раз представляла себе, как он вырастет. Я знаю, что приемные родители были богатыми и что сменили его имя на Джо Фуллера. Я представляю его маленьким мальчиком, ровесником брата Дейзи, в коротких штанишках и с игрушечным трактором в руках, обожающим динозавров и космические корабли. Тогда, в возрасте Дейзи, он стал бы выше ростом, читал книги, изучал мир, мечтал и уже начал следовать своим мечтам. Затем я вижу, как он вступает во взрослую жизнь, в возрасте Патрика – возможно, он похож на него поведением и внешностью, но увы, уже неминуемо приближается к смерти. Меня снова охватывает гнев при мысли, что он умер таким молодым, пока я, его мать, все медлила...

Мы с Патриком договаривались, что начнем искать информацию о нем, когда Патрик вернется в Великобританию, но летом он приезжал всего на пару дней, и с ним была Терри, а еще они планировали навестить ее семью. Теперь же он, судя по всему, так же жаждет узнать о своем отце, как я – о своем сыне.

– Мне очень жаль, что у вас с Терри все так сложилось, и

я крайне разочарована тем, что ты посмел покинуть остров Медальон, – наконец отвечаю я Патрику. – Но нерешенные вопросы с отцом всегда отбрасывали тень на твою жизнь. Возможно, если мы что-то выясним о нем, тебе будет легче разобраться с собой.

Он оживленно кивает.

– Я не хотел откладывать это в долгий ящик. На острове Медальон я немного поискал в интернете, когда смог воспользоваться компьютером. Я вбивал в поиске имя Джо Фуллер, и там было несколько человек, которые жили в Канаде в то время, но я не смог найти никого похожего. Мы могли бы попробовать сделать это вместе, бабуля, если ты не против?

Я, конечно же, не против.

Он расправляет плечи.

– Ты еще хранишь то письмо от кузины из Чикаго, которая сообщила тебе о несчастном случае много лет назад?

– Храню.

– Давай начнем с него.

Мы не спеша возвращаемся внутрь, оставляя Дейзи вплетать перья в волосы Эйлин в саду.

Вышеупомянутое письмо заперто в столовой, в бюро, сделанном в георгианском стиле. К несчастью, некоторое время мы не можем отыскать ключ, и мне приходится позвать Эйлин.

– Что случилось, миссис Маккриди? – спрашивает она, поднявшись на крыльцо. Своим видом Эйлин напоминает

ушастую сову – выпученные глаза, круглое лицо и два пера, торчащие из ее кудрей.

Я спрашиваю у нее, куда мог подеваться ключ.

– Думаю, он в синем китайском горшке на полке камина, в том, где вы храните все запасные ключи, миссис Маккриди, – отвечает она.

Я уверена, что спрятала бы его в каком-то менее очевидном месте, но Патрик заглядывает в горшок и вытаскивает из него маленький ключик, который и правда напоминает ключ от бюро.

– Давай попробуем, вдруг подойдет, – настаивает он.

Я не могу поверить своим глазам, когда Патрик вставляет ключ в замок, произносит «Бинго» и открывает ящик.

– Что ж, не представляю, кто догадался положить ключ в этот горшок, – заявляю я. – Уверена, что я этого не делала.

Патрик пытается сдержать улыбку, и мне это совсем не нравится.

К счастью, у меня безупречная память, так что я легко нахожу письмо среди других бумаг. Невозможно снова читать эти строки, рассказывающие о жизни и смерти моего сына: так мало слов, так мало подробностей, одни сухие факты. Сюзан Варлок, кузина той женщины, что усыновила Энцо, пишет слегка извиняющимся тоном. Она сообщает, что встречалась с Энцо всего пару раз, потому что они жили далеко от Ванкувера. Она не оставляет обратного адреса. Наверху страницы написано только «Уэст-Ридж, Чикаго».

– Возможно, мне удастся найти ее в Фейсбуке или еще где-то, – говорит Патрик. – Если, конечно, она еще жива.

Он достает телефон и какое-то время пытается найти что-то. Но в Фейсбуке ничего нет, как нет и в остальных социальных этих-как-их-там.

Вечером мы собираемся в уютной гостиной и смотрим телевизор. Меня не приводит в восторг ни одна из передач в программе, но Патрик говорит, что уже пять месяцев не смотрел телевизор, и готов смотреть все, что угодно. Дейзи тоже полна энтузиазма. В итоге мы смотрим неплохую криминальную драму, затем программу, в которой исполняются желания детей (она особенно нравится Дейзи), а затем какую-то отвратительную викторину, посвященную знаменитостям. Мои веки тяжелеют, и не успеваю я опомниться, как программа заканчивается. Дейзи обнимает меня обеими руками.

– Эйлин говорит, что пора подниматься наверх. Спокойной ночи, Вероника.

– Спокойной ночи, Дейзи. Спи крепко и помни о пингвинах.

– Хорошо.

Когда Дейзи уходит наверх, начинаются новости, в которых по обыкновению рассказывают леденящие душу истории об убийствах, разрухе и разврате. Чем больше я смотрю на людей, тем больше мне нравятся пингвины. Я рада,

что посвящу еще один период своей жизни этим прекрасным птицам. Оказалось, что счастье человека во многом зависит от того, на чем сосредоточить свое внимание. Мне и самой стоит последовать своему совету и всегда помнить о пингвинах.

Совершая вечерний туалет, я размышляю о моральном состоянии Патрика. Когда я рассказала ему, что вскоре отправлюсь на юг в путешествие по дикой природе, он заметно погрузтел. Может быть, завидует? Я задаюсь вопросом, не может ли он отправиться туда со мной, но тут же отбрасываю эту мысль. Как бы я не любила своего внука, я чувствую, что между нами с сэром Робертом есть некая особая связь, а Патрик порой ведет себя по-детски, что никак не способствовало бы комфортной атмосфере в команде. Особенно если учесть тот факт, что сейчас он переживает столь непростой период.

Однако мысль о том, что придется оставить Патрика одного в Баллахеях, тревожит меня. Дело не в том, что я не доверяю ему дом. А в том, что раньше в трудные времена он прибегал к наркотикам, и я опасаясь, что это может повториться. Его безрассудные решения по поводу отношений с Терри и острова Медальон поставили под сомнение все его будущее. Мне остается только надеется, что поиск информации о его отце увенчается успехом.

Было бы просто замечательно узнать что-то о моем доро-

гом Энцо. Я засыпаю, предавшись сладким воспоминаниям о себе в шестнадцать лет, отвергнутой обществом, но не теряющей надежды, ведь со мной был мой драгоценный малыш.

ВЕРОНИКА

Вот уже второй раз сэр Роберт приезжает в Баллахеи без предупреждения. Впервые это случилось на Рождество, когда он появился на пороге с бутылкой шампанского и портретом Пипа в руках. На этот раз он приехал с бутылкой хереса и просьбой. Его идеальные белые волосы убраны назад, что особенно подчеркивает его густые выразительные брови. Он одет в шерстяное пальто, а на губах играет заговорщическая улыбка.

– Моя дорогая Вероника, надеюсь, я не слишком побеспокоил вас своим неожиданным появлением. Могу ли я отвлечь вас на полчаса?

– Дорогой сэр Роберт, всегда приятно, когда меня беспокоите вы, – отвечаю я.

Я практически начинаю мурчать.

– Я бы поговорил с вами наедине, если вы не против. И после этого мне хотелось бы познакомиться с юной леди по имени Дейзи, которая, насколько мне известно, сейчас гостит у вас.

– Она будет рада познакомиться с вами.

Я провожу его в уютную гостиную и достаю свои лучшие хрустальные бокалы для хереса.

Сэр Роберт наливает нам обоим не слишком мало, но и не чересчур много – идеальную джентльменскую порцию.

– Вы знали, что Дейзи написала письмо в «Загадай желание»?

– В мачты? – я в замешательстве. – Простите, сэр Роберт, слуховой аппарат меня подводит. Мне кажется, я неверно вас расслышала.

Я поправляю аппарат, и он издает короткий тонкий писк.

– Дейзи написала письмо в «Загадай желание».

Что ж, на этот раз я расслышала, но все еще не поняла, о чем речь.

Он объясняет:

– «Загадай желание» – это телевизионная программа. Дети пишут туда о своих мечтах, а создатели программы пытаются их исполнить.

– А, тогда понятно.

Я смутно припоминаю, как Дейзи совсем недавно смотрела нечто подобное по телевизору. Сама идея такой программы кажется мне рекламным трюком, но кто-то наверняка считает ее очень «трогательной».

– И о чем же мечтает Дейзи?

– Она бы очень хотела отправиться с нами к пингвинам.

Я настолько ошарашена, что едва не опрокидываю бокал с хересом себе на платье, и поэтому поспешно ставлю его на

столик.

– Но вы ведь не предлагаете?..

Он утвердительно кивает.

– Но Дейзи ведь еще не восстановилась после химиотерапии! Родители позволили ей погостить у меня только потому, что она ни в какую не принимала отказ, и даже сейчас они звонят ей практически каждую секунду. Они бы никогда не отпустили ее в путешествие.

Должно быть, Дейзи написала в «Загадай желание» сразу, как узнала о моем отъезде. Сэр Роберт говорит, что продюсер программы связался с ним как только получил письмо. Дейзи приложила к письму наш снимок, на котором запечатлены три человека: она, совершенно очаровательный, ребенок, больной раком, я, эффектная (по моему собственному мнению) старушка, и впридачу пингвин Мак, просто неотразимый малый. Такая гремучая смесь не оставила ведущего программы равнодушным. Он, второсортная телезвезда, фактически умолял сэра Роберта, звезду рангом выше, о помощи. Сэр Роберт, в свою очередь, тут же посоветовался с режиссерами и продюсерами обеих программ. Было решено, что Дейзи не только исполнит свою мечту, но благодаря своей очаровательной невинности и драматичной истории болезни, сможет тронуть зрителей до глубины души.

В тот же день телевизионщики связались с родителями Дейзи, Гэвином и Бет. Если бы речь шла о поездке в Антарк-

тиду, они бы ни за что не согласились, но раз условия будут вполне комфортными, они пообещали подумать. Когда они узнали, что Фолклендские острова знамениты своим чистейшим воздухом, то начали таять. Когда их убедили, что Дейзи будет достаточно отдыхать, они были уже почти согласны. Затем врач дал девочке добро на путешествие. И разве она не заслужила отдых после всего, что ей пришлось пережить? Спустя двое суток раздумий, Гэвин и Бет дали свое согласие. Дейзи разрешили поехать с нами на Фолклендские острова, при условии, что один из родителей будет ее сопровождать.

Сэр Роберт излагает это все очень складно и быстро.

– Мне остается только спросить у самой Дейзи, хочет ли она поехать.

Когда я видела Дейзи в последний раз, она покатывалась со смеху и снимала Патрика на телефон, пока тот корчил ей дурацкие рожицы. Теперь в доме тихо, я полагаю, что девочка наверху, пишет письма родителям под чутким присмотром Эйлин. Я зову ее спуститься к нам.

Дейзи изумленно округляет глаза, когда видит сэра Роберта.

– Ты знаешь, кто это, Дейзи? – спрашиваю я.

– Да, это Роберт Сэддлбоу из телевизора.

– Сэр Роберт Сэддлбоу.

Я не позволю ей дерзить сэру Роберту, особенно учитывая то, что он собирается сделать для нее.

Ведущий пожимает девочке руку и говорит с ней серьез-

но, как со взрослой. Сначала он, как бы между прочим, расспрашивает Дейзи о ее доме в Болтоне и о ее увлечениях, затем аккуратно интересуется ее здоровьем. Дейзи начинает тараторить и выкладывает все. Она признается, что чувствует себя намного лучше, чем на Рождество, что у нее уже успело отрасти немного волос, что я сказала ей помнить о пингвинах и что пингины помогают ей не унывать. Просто думать о пингвинах уже помогает ей выздороветь. Но если бы она смогла их увидеть, это помогло бы еще больше. Дейзи многозначительно смотрит на ведущего. Она очень проныцательна для своего возраста.

– Что ж, Дейзи, думаю, что вы доказали свою преданность пингвинам. Я приехал, чтобы официально пригласить вас в экспедицию на Фолклендские острова, – заключает сэр Роберт. – Вы согласны?

Дейзи вскидывает руки вверх и так громко кричит, что я снова чуть не опрокидываю херес.

– ДА!

ПАТРИК*Баллахей*

Я бы хотел просто валяться здесь и пялиться в этот огромный телевизор днями напролет, но, конечно же, Ее Королевская Деятельность не позволит мне этого. В перерыве между возней с Дейзи и поиском информации об отце в интернете, бабушка заставила меня помочь Эйлин с готовкой. Эйлин посмеивается надо мной из-за этого и похоже не понимает, что готовка – одна из немногих вещей, в которых я действительно что-то смыслю.

– Мой Дуг и близко не подойдет к кастрюлям, – замечает она, когда я завязываю один из ее кружевных фартуков. Вчера мы вместе ездили за покупками в Килмарнок, и мне удалось разжиться целым пакетом свежих продуктов. Я начинаю выкладывать их на столешницу.

Эйлин подозрительно рассматривает рис арборио, чиабатту и пармезан.

– Импортные продукты?

Неужели Эйлин почувствовала конкуренцию? Сама она чаще готовит традиционные блюда. Мясо и два вида овощей, хорошенько сдобренных солью и маринадом, овощи обычно жутко переваренные. Она заглядывает мне за плечо.

– Я уже рассказывала, как накормила рождественским ужином самого сэра Роберта, миссис Маккриди и всю свою семью?

– Рассказывала, Эйлин.

– И знаете, что сказал на это сэр Роберт?

Я знаю, потому что слышал эту историю уже как минимум дважды.

– Он сказал, что я знаю толк в пророщенных бобах! – с гордостью произносит Эйлин.

– Уверен, что это чистая правда.

Сегодня Эйлин ответственная за пудинг, поэтому она идет в другую часть этой роскошной кухни и перемешивает муку и сливочное масло для рулета с вареньем.

В кухню входит бабуля. Она держит атлас под мышкой и смотрит сурово. Мне всегда не по себе, когда у нее такой взгляд.

– На пару слов, Эйлин, если ты не против.

Бабуля кивает головой в сторону, и та следует за ней. Я слышу, как они шепчутся в соседней комнате. Страшно представить, что они задумали.

Мне не нравится оставаться в одиночестве, потому что в такие моменты меня охватывают мрачные мысли. Я все не

могу выкинуть из головы своего отца, Джо Фуллера, «моего Энцо», как называет его бабуля. Она назвала так сына, потому что это было единственное итальянское имя, которое она знала в то время, кроме имени ее возлюбленного. Ага, бабуля может показаться ханжой, но ее прошлое полно пикантных историй. В пятнадцать лет у нее был роман с итальянским военнопленным, и в результате этого романа появился мой отец. Бабулины родители погибли во время бомбежки, а злая старая тетушка отправила ее в монастырь, где она жила с малышом Энцо и где ее заставляли мыть полы и заниматься стиркой как какую-то прислугу. А что же сами монашки? Они просто взяли и отдали ее ребенка бездетной паре из Канады. Когда бабуля об этом узнала, Энцо уже забрали у нее навсегда. Просто невероятно, что монашки могли сотворить с ней подобное. Не удивительно, что она стала такой.

Сегодня утром мне впервые удалось найти хоть какую-то информацию о приемной семье моего отца. Письмо, которое получила бабуля, было написано некой Сюзан Варлок. Твиттер и Фейсбук такого имени не знали, но на сайте, посвященном генеалогии, мне удалось отыскать запись о Сюзан Варлок (уже почившей), которая жила в районе ВестРидж в Чикаго, и она подходила по возрасту. На сайте также была информация о ее детях. Я смог отыскать ее дочь на сайте «ЛинкдИн» – Дениз Перри (до замужества Уорлок) – и отправить ей сообщение. Позже она мне ответила. Сейчас Дениз живет в Ванкувере, откуда родом вся ее семья,

и смутно помнит знакомство с моим отцом, когда они были детьми. Хоть кто-то его помнит!

Мы с бабулей долго молчали, когда я прочел сообщение. Нами завладели эмоции.

Теперь бабуля вернулась на кухню, я как раз нарезаю лук шалот.

– Патрик, – произносит она, сверля меня своим суровым взглядом. – Скажи мне, есть ли хоть малейшая вероятность, что ты вернешься на остров Медальон?

Тут и думать нечего.

– Нет.

Я больше никогда не увижу Терри. И Дитриха, и Майка. Они ни за что не примут меня обратно, после того, как я вот так их бросил, да я даже не смогу посмотреть им в глаза. Больше никаких пингвинов. Я сжег все мосты дотла.

Бабуля недовольно морщится.

– И каковы же, позволь полюбопытствовать, твои планы на будущее?

– Слушай, я сейчас не в состоянии думать о таких вещах, на меня разом навалились поиски сведений об отце, твой отъезд, Дейзи и все такое...

Она хмурит брови.

– Я чувствую определенную ответственность перед исследованием на острове Медальон, поскольку поездка в Антарктиду много для меня значит. И раз уж я отправлюсь в бесплатное путешествие на другой конец планеты и получу

за это приличный гонорар от «Би-би-си», то продолжу спонсировать проект, пока будущее не прояснится. Сделаю я это ради Пипа, Терри, Дитриха и Майка, хоть он и не самый приятный тип.

Я пожимаю плечами в ответ.

– Как хочешь.

– А пока я попросила Эйлин забронировать тебе билет на самолет до Канады.

От шока я едва не отрезаю себе палец. Куски шалота разлетаются по столешнице.

– Что ты сделала?

– Во время моего путешествия по островам Антиподов с сэром Робертом ты полетишь в Канаду и соберешь там всю возможную информацию. Мне кажется, что нельзя ограничиваться постоянным поиском в Гугле. Кто-то должен отправиться туда лично и погрузится в прошлое, и чем раньше это произойдет, тем лучше. Снова мы с тобой окажемся в разных полушариях. Но сразу после этого ты поедешь на Фолклендские острова. Там ты сможешь присоединиться к нам с сэром Робертом и быть моим помощником. Уверена, сэр Роберт будет не против.

Я уверен, что он будет против. Но в слух я этого не произношу, а просто смотрю на бабулю с отвисшей челюстью.

Она наслаждается моим потрясением.

– Не мог бы ты вернуть свою челюсть на положенное ей место и продолжить готовить обед? Дейзи привыкла к тому,

что еда готовится быстро.

Она разворачивается и выходит из комнаты быстрее, чем я успеваю что-то ответить.

В полном оцепенении я продолжаю резать лук. Я думаю о том, как прошлое моего отца преследует меня. Я хочу выяснить все подробности сильнее, чем когда-либо. Но теперь поиски начинают меня пугать, будто я персонаж фильма ужасов, которого нечто заманивает сквозь мистический туман на край обрыва. Впервые я думаю: «Погодите-ка, может быть, не стоит этого делать?». Бабуля очевидно уверена в том, что ее драгоценный сынок вырос замечательным человеком, но разве мне не известно обратное? Он как минимум был подонком. Разве этого недостаточно?

Все шкварчит на сковороде, пока Эйлин снимает с груши кожуру. Она показывает мне большой палец.

– Рейс бронирован.

Боже, как все быстро. Бабуля и Эйлин вместе – разрушительная сила. Не знаю, что сказать. Я не могу поверить, что мне снова придется отправиться черт знает куда. Меня бесит, что мне даже не дали возможности высказаться на этот счет. Бабуля настоящий тиран.

Кое-как я накрываю стол к обеду. Ризотто получилось отменным, а Дейзи особенно нравится чабатта. Ее заинтересовало название, и она все повторяет: «шаббатта, шаббатта, шаббатта». Честно говоря, меня это порядком утомило.

Вдруг она замолкает.

– Патрик, тебе что – грустно? – спрашивает девочка, указывая на меня ложкой.

Мне не хочется отвечать «да», но отрицать это было бы откровенной ложью, поэтому я запихиваю в рот ризотто и издаю неразборчивый звук в ответ. Дейзи не знает, почему я вернулся. Ей сказали, что у меня небольшой перерыв в работе на острове Медальон. Ей невдомек, как сильно я облажался на этот раз.

– Иногда мне тоже бывает грустно, – произносит она. – У тебя ничего не болит?

Конечно, Дейзи грустит только потому, что ей пришлось пережить страшнейшую, непередаваемую физическую боль, которую не один ребенок не должен испытывать.

– Нет, Дейзи, – отвечаю я. – Ничего не болит. А затем добавляю: – По крайней мере, физически.

ТЕРРИ

Остров Медальон

Дитрих протягивает мне рисунок. Четыре веселых пингвина Адели красуются на листе, плавник к плавнику, у каждого на голове разные виды головных уборов: цилиндр, шляпка, берет и шапка с помпоном.

– Потрясающе! – говорю я. Дитрих такой талантливый. Если бы он не был пингвиноведом, то мог бы запросто стать иллюстратором детских книг. Все свободное время в полевом центре он проводит за рисунками для своих детей. Попрошу его отправить этот Дейзи.

– Один из них Пип?

– Возможно, но я так и не придумал, который – в цилиндре или в шапочке.

– Дети сами решат.

Я никогда не видела детей Дитриха, но Дейзи, с которой я познакомилась прошлым летом, показалась мне девочкой,

имеющей свое мнение.

Мне сложно вспоминать прошлое лето и не думать о Патрике. Во время нашей поездки в Великобританию мы все время были вместе – когда ездили в гости к Веронике в Эйршир, навещали его друзей в Болтоне и мою семью в Хертфордшире. Мы были без ума друг от друга, и недели летели как в тумане. Мои родители не знали, что и думать о Патрике, когда только познакомились с ним, но я случайно услышала, как мама язвительно сказала папе: «Она с ним ненадолго». Как же меня злит, что она оказалась права.

Вероника пообещала, что пока будет продолжать поддерживать наш проект, но, очевидно, наше будущее зависит от того, решит ли она спонсировать Патрика на его новом месте работы. Неопределенность легла на наши плечи тяжелым грузом. Даже у Вероники нет бесконечного запаса денег, и я понимаю, почему единственный оставшийся в живых родственник у нее в приоритете. Если бы только Патрик не покидал проект...

Дитрих все еще возится со своей иллюстрацией. Он внимательно ее рассматривает на расстоянии вытянутой руки, а затем подносит ближе.

– Как считаешь, может добавить больше деталей на фоне?

– Нет-нет, все идеально, – уверяю я друга.

Он благодарно улыбается.

– Тогда пойду отсканирую рисунок.

Когда он уходит в компьютерную комнату, я заметно

грустнею. Дитрих счастлив, что скоро увидит свою семью, но у меня внутри зияет огромная дыра, оставленная Патриком. Мне приходится через силу вставать с постели, через силу завтракать, через силу разговаривать с Майком и Дитрихом. Я заставляю себя улыбаться, чтобы они не беспокоились обо мне и не думали, что я сдаюсь, чтобы знали, что мне под силам сохранить то, что осталось от нашего проекта.

С прошлого года все кардинально изменилось. Теперь корабль прибывает каждую неделю и привозит провизию нам и еще парочке отчаянных людей с близлежащих островов. Вместе с провизией на корабле прибывают толпы туристов, которые направляются в куда более благоприятные места, где можно насладиться дикой природой в относительно комфортных условиях. Они прибывают через Ушуайю, крайнюю точку Южной Америки, самый южный город на земле, чтобы исследовать наши Южные Шетландские острова и север материковой Антарктиды. Они проводят на острове Медальон всего пару часов, а затем отправляются дальше. Некоторые даже не выходят на сушу.

Дитрих планирует уехать и вернуться на остров на этом корабле. Он уедет на следующей неделе, и распорядок дня здесь снова поменяется.

– Не волнуйтесь, ребята, – сказал он вчера, когда мы мыли посуду. – Я собираюсь вернуться раньше, так что вам двоим не придется слишком долго держать здесь оборону. Меня не

будет самое большое три недели.

Но эти три недели будут непростыми для нас с Майком. И довольно рискованными. Нас должно быть как минимум трое на острове на случай чрезвычайных ситуаций. И все же было бы неразумно пытаться найти кого-то еще сейчас, когда мы вообще можем вскоре закрыться. Тревога меня не покидает. Остается только молиться, что больше ничего дурного не случится.

Сегодня пасмурно, с неба падают небольшие гранулы снега, и он скорее скрипит, чем хрустит под ногами. Облака висят низко, и все, что я слышу – журчание талой воды под коркой льда. Большая тюлениха разваливается передо мной, когда я пробираюсь к колонии, ее огромное тело распласталось на земле, преграждая мне путь. Ее кожа сияет, а круглая милая мордочка повернута в мою сторону. Она смотрят прямо на меня, но не двигается. Мы обе знаем, что мы не враги. Ни одна из нас не собирается есть другую, мы не конкурируем за еду, партнеров или территорию. Есть лишь умеренное любопытство с обеих сторон. Я не испытываю к тюленям той страсти, которую питаю к пингвинам, но они тоже имеют полное право быть здесь, и иногда им приходится есть дорогих моему сердцу птиц, чтобы выжить. У меня нет неприязни к этому существу. Она пристально смотрит мне в глаза. Затем внезапно поднимает голову и издает оглушительный рев. Он нарушает тишину и заставляет воздух дрожать. Шум выводит меня из оцепенения, и на мгновение я задаюсь во-

просом – а вдруг этот рев вырвался из моей груди?

Я огибаю тюлениху и продолжаю свой путь, переводя дух. В колонии я почти сразу нахожу Пипа. Он недалеко от того места, где я нашла его в прошлый раз, вовлечен в потасовку с другим пингвином. Они клюют друг друга и немного пихаются плавниками, но их борьба больше напоминает игривый флирт. Я проверяю метку второго пингвина и обнаруживаю, что это один из вчерашних приятелей Пипа. Сам Пип замолкает, когда замечает меня, и с любопытством тычет клювом в мою сторону. Несколько пингвинов подходят ближе и окружают меня со всех сторон, как они часто делают. Они ковыляют за мной, и я провожу их по кругу несколько раз, пока они не теряют интерес. Пип тоже уходит прочь, и я чувствую, как меня обжигает одиночество.

Я связываюсь по рации с Майком и Дитрихом и сообщаю им, что направляюсь в северную часть колонии, чтобы проверить Уголька. Важно, чтобы каждый из нас был в курсе передвижений остальных.

Поднялся сильный ветер, он свистит у меня в ушах, пока я карабкаюсь по скалам. Глыбы льда устрашающе переливаются бледно-синими и зелеными оттенками.

Уголек (необычный пингвин, покрытый с головы до ног черным оперением) и миссис Уголек (обычного окраса с белоснежной грудью и животом) отложили два яйца, но, как это обычно бывает, из того, что поменьше, никто не вылупился. Но выживший птенец и в одиночку не дает родителям

заскучать.

Мы с Патриком видели Уголька в самом начале сезона, когда он только начал вить гнездо. Он неоднократно развлекал нас своими шалостями. Его сосед, крепкий самец, старательно выбирал камешки для своего гнезда, брал их один за другим в клюв и аккуратно укладывал в небольшое углубление в земле. Уголек поворачивался к нему спиной, изображая полное равнодушие. Но всякий раз, когда сосед отправлялся на поиски очередного камня, Уголек хитро ковылял к его гнезду, хватал один из камешков и уносил его в свое гнездо. Второй пингвин вообще не замечал, что, как бы усердно он ни старался, его гнездо, будто бы совсем не росло... в то время как гнездо Уголька становилось все больше и больше.

Патрик смеялся до колик.

– Боже, это намного увлекательнее, чем смотреть сериал «Доктор Кто».

Я осуждающе качала головой.

– Он просто невыносим! Подумать только, а я ведь его жалела!

В прошлом году Уголек целую вечность сидел в своем гнезде совсем один. Мы думали, что у него никогда не будет пары. Но в этом году он так уверен в себе, будто бы от того пингвина не осталось и следа.

В тот день, когда я взяла Патрика познакомиться с Угольком, мы впервые поцеловались.

Мне не стоит предаваться воспоминаниям, но когда я пы-

таюсь отогнать их прочь, они накрывают меня с новой силой. Я ужасно злюсь на Патрика, но при этом невозможно по нему скучаю: по его нахальству, дурацким шуткам, энергичности, необычному взгляду на мир. По небольшим проявлениям заботы, как, например, когда он клал грелку мне в постель, если у меня мерзли ноги, или тайком запихивал печенье во все карманы, когда нужно было выходить на улицу в плохую погоду. А еще Патрик был невероятно страстным. Мы спешили обратно в полевой центр, пока наши коллеги еще считали пингинов, чтобы побыть немного наедине. Мы будто бы были парой непослушных подростков, которые пользуются моментом, пока родителей нет дома.

Но возможно даже больше, чем по нашему страстному, безудержному сексу, я скучаю по драгоценным моментам после него, когда мы лежали в объятиях друг друга, касались кожи друг друга, губ друг друга, наше дыхание смешивалось, наши сердца бились в унисон. Мы были полны любви, она буквально окутывала нас с головы до ног. Я думала, что нас невозможно разлучить.

– Хочешь, составлю тебе компанию?

Я оборачиваюсь. Мои очки слегка запотели, но это может быть только один из двух ученых, и я узнаю тонкий силуэт, приближающийся ко мне по снегу. Меня наполняет благодарность.

– Привет, Майк.

Пингины поворачивают головы, чтобы наблюдать за его

приближением. Они рады, что теперь у них есть не одно, а целых два высоких, неуклюжих существа, за которыми так интересно наблюдать.

– Ты в порядке? – спрашивает он. – Выглядишь ужасно.

– Спасибо, Майк. Приятно это слышать.

– Я серьезно. Ты и правда выглядишь нездорово.

Я уже устала говорить «Я в порядке», но все-таки снова это произношу.

– Это тяжело, – признает он и беспокойно хмурит лоб. Мне очень жаль себя, потому что я потеряла Патрика, но, конечно, и для Майка это все непросто. Они с Патриком не были особо близки, но неплохо ладили, и, должно быть, Майк считает его уезд настоящим предательством. Он также боится проектом, как и я.

Совсем скоро мы останемся совсем одни на острове Медальон. Слава богу, мы хорошо ладим. Майк не самый простой человек: он колючий во всех смыслах этого слова. У него острый ум, острые черты лица и самый острый язык из всех, кого я знаю. Некоторые считают Майка грубым, но я знакома с ним много лет и смотрю на это иначе. Мы многое пережили вместе, и я видела его скрытые качества. Да, он может быть вредным, но он сильный и непоколебимый, и я бы доверила ему свою жизнь.

Здорово, что он не касается в разговоре Патрика, и какое-то время мы обсуждаем Уголька и его семью. Сегодня Уголек остался присматривать за птенцом, и ему очевидно

скучно. У него грязная пузо, но этого не видно из-за черного оперения – ему явно повезло больше, чем сородичам с обычным черно-белым окрасом. Он ковыряется клювом в снегу и набирает его себе в рот, чтобы утолить жажду. Затем осматривает свои ноги. Он не может отправиться к воде, пока не вернется его самка, но та явно не спешит возвращаться. Птенчик неподалеку играет со своими сверстниками.

Мы с Майком некоторое время наблюдаем за ними. Пока мы попиваем кофе из термоса, он рассказывает мне о том, что сегодня видел пару императорских пингвинов на своем участке острова. У нас на острове Медальон нет отдельной колонии императорских пингвинов, но время от времени они сюда забредают. Их образ жизни разительно отличается от образа жизни Адели. Эти гигантские птицы не ищут легких путей – они размножаются во время антарктической зимы и могут проходить по семьдесят километров до места размножения.

– Не знаю, что они задумали, – признается Майк, – но было бы любопытно изучить и их.

Я соглашаюсь.

– Вот бы у нас были еще одни руки.

Я снова думаю о Веронике.

– Мне бы хотелось понять, откуда берется этот бесконечный запас сил.

– Что? А, ты об императорских пингвинах. Да, они не промах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.